СЕРБСКОЕ СЕРДЦЕ ИОГАННА

Веселин Джелетович

ВЕСЕЛИН ДЖЕЛЕТОВИЧ

СЕРБСКОЕ СЕРДЦЕ ИОГАННА

Совместное издание
благотворительного
фонда «Флавиан» и
издательства
«Флавиан-пресс».

Москва
2014

УДК *821.163.41-31*
ББК *84(4=416.4)6-44*
Д 40

Веселин Джелетович

Д 40 — Джелетович В.— Сербское сердце Иоганна —
М.: Флавиан-пресс, 2014. — 144с.

Перевод
Ирина Милькевич

Художественный редактор
протоиерей Александр Торик

Дизайнер верстальщик
Иулия Назарова

ISBN 978-5905462-09-2

Посвящается всем пропавшим без вести и похищенным на территории Косово и Метохии.

Автор

Глава 1

Внимательный взгляд Иоганна Вагнера остановился на картине, висевшей на стене. Люди, проходившие мимо него, видели лишь человека, наслаждающегося произведением искусства. Высокий ясный лоб свидетельствовал об уме этого человека, а его развитое спортивное телосложение говорило о нем как о мужчине, который много тренируется и уделяет большое внимание своей внешности.

Необычное сочетание невероятно ярких голубых глаз и кудрявых, черных как смоль волос привлекало к нему быстрые внимательные взгляды дам, проходивших мимо по коридору. Дорогой костюм на нем был пошит из тканей, сотканных из шерсти редких видов арктических и южноамериканских животных, а пуговицы с гербами из восемнадцатикаратного золота с бриллиантами указывали на принадлежность к немецкому дворянству.

Его полное имя, подтверждающее старинное происхождение его рода, гласило – Иоганн Ганс Фредерик Теодор Ернст Филипп Фрайхер фон Вагнер. Считалось, что его род берет свое начало с XV века. Большинство людей обращалось к нему не иначе как герр барон фон Вагнер, хотя для приятелей он был просто Иоганн.

Он по-прежнему внимательно рассматривал зимний пейзаж на картине, в самом центре которого находился

деревенский дом с сараями и колодцем в середине двора. Деревянный туалет во дворе находился на расстоянии около 50 метров от дома, и к нему вели глубокие следы ног в снегу. Иоганн размышлял о том, что кто-то из жильцов нарисованного дома все еще находится внутри этого туалета, так как не было видно следов возвращения.

Эта мысль сама по себе не казалась веселой, но на лице Иоганна появилась улыбка. Улыбку вызвала мысль об абсурде, который он увидел в том, что его огромные деньги, несколько домов и вилл, большое количество предприятий, фермы и сотни гектаров земли для него больше ничего не значат. Или лучше сказать – они не могут ему помочь.

Беспомощность, которую он ощутил в тот миг, пронзила все его нутро. Пожав плечами, глубоко вздохнул и вышел из здания. Его водитель, ожидавший на улице, быстро подскочил, чтобы открыть дверцу автомобиля. Мерседес-Бенц F700, как обычно, привлекал внимание прохожих, а молодежь даже останавливалась, чтобы лучше рассмотреть эксклюзивный автомобиль.

В этот момент Иоганну это людское внимание стало мешать, хотя в других ситуациях он очень гордился своим автомобилем и с удовольствием всегда говорил о нем.

Никому, кроме хозяина, ранее не позволялось садиться за руль, но в этот раз Иоганн взял с собой водителя, опасаясь, что ответ, за которым он пришел, будет столь негативен, что он будет не в состоянии сам управлять им.

Так и случилось. Рассеянно он сел на удобное заднее сиденье и устремил свой взгляд в окно автомобиля.

Вместе с улицами в его сознании стали чередоваться воспоминания, вернувшие Иоганна в 14 февраля 2000-го года, когда все и началось.

***

В тот понедельник, как и обычно по понедельникам, Иоганн играл в теннис со своими друзьями. Его девушка Гретта и он играли против лучшего его друга – Франца и его жены Марты, а остальные друзья с интересом следили за ними. В какой-то момент, когда Иоганн посильнее замахнулся ракеткой, чтобы ударить мяч, он вдруг ощутил страшную боль в области правого плеча.

Вскрикнув, Иоганн упал на землю, продолжая держать ракетку в руке. Гретта подбежала к нему и приподняла ему голову, положив ее на свои колени. Убедившись, что Иоганн в сознании, Франц побежал до ближайшего ресторана, чтобы принести воды и попросить персонал вызвать скорую помощь. Спустя некоторое время прибыла карета скорой помощи, и после короткого осмотра Иоганна доставили в клинику.

Боль прекратилась так же быстро, как и возникла, и Иоганн вновь почувствовал себя хорошо и думал, что после осмотра его отпустят домой. Но озабоченный взгляд врача, который его осматривал и изучал результаты анализов, вселил неожиданный страх в сознание Иоганна. Страх оказался вполне оправданным – врач сообщил ему, что он должен остаться в клинике, для прохождения детального обследования.

Сначала Иоганн подумал, что сотрудники клиники чрезмерно заботятся о нем, как бы желая тем самым «вернуть ему долг». Потому что эта частная клиника, которая из-за своих высоких цен принимала лишь малое количество, и то, только богатых, пациентов, уже несколько раз получала от него благотворительную помощь в виде крупных денежных сумм. Иоганн понадеялся, что таким отношением к нему врачи желают показать, как внимательны они к тем людям, которые помогают им.

Но, это была только неоправдавшаяся надежда. Через несколько дней, которые прошли в утомительных осмотрах и сдаче анализов, Иоганну сообщили, что он болен неизлечимой болезнью сердца. Тяжесть трагедии была в том, что его основная болезнь ко всему сопровождалась гипертрофией. Спасения для Иоганна не было, помочь могла только трансплантация.

Врачи прогнозировали ему еще год жизни, в лучшем случае два, единственное, что он мог – молиться Богу, чтобы появился донор, чье сердце могло бы быть пересажено ему. С таким известием его выписали из клиники для продолжения консервативного лечения дома.

По совету своего личного врача, Иоганн зарегестрировался в DSO – Немецком Фонде Трансплантации органов (Deutsche Stiftung Organtrasplantation). До сих пор Иоганн не знал о существовании этого Фонда, с чьей работой ему теперь предстояло познакомиться. Традиционно DSO организовывает все шаги, касающиеся процесса трансплантации органов, включающие и транспортировку органа до реципиента. В рамках этой организации

работают почти семьдесят координаторов, которые помогают персоналу клиник в процессе донирования органов, отправляя образцы крови и тканей умершего донора в лабораторию, проверяя наличие инфекции, опухоли или какой-либо болезни донора, чтобы защитить реципиента от возможных угроз.

Все полученные результаты отправляются для обработки в Евротрансплант, где специальный компьютер сопоставляет параметры донора и реципиентов в списке ожидания. Банк органов основывается на исключительно медицинских соображениях. Иоганн также узнал, что в Германии четыреста пациентов в год ожидают пересадки сердца и что он в настоящий момент является триста двадцатым в списке ожидания и донорское сердце, в лучшем случае, сможет получить года через два, и то – если удача будет на его стороне.

Осознавая, что это будет слишком поздно для него в его состоянии, Иоганн решил послушать совета одного из координаторов, с которым познакомился в DSO. Этот координатор предложил Иоганну дать взятку людям, которые работают с донорскими карточками. Эти люди должны были как можно скорее найти соответствующего донора и создать возможность для Иоганна прохождения вне очереди на операцию. Он так и поступил: заплатил 50 000 евро, и уже через два месяца его вызвали в клинику, чтобы договориться об операции.

Когда он приближался к дверям врачебного кабинета, к нему неожиданно подошла незнакомая женщина с

грудным ребенком на руках, около которой безмятежно прыгало еще двое маленьких детей:

– Господин Иоганн Вагнер? – спросила женщина, вопросительно глядя на него.

– Да, мадам. Мы знакомы?

– Нет, господин Вагнер, но вы забираете сердце моего мужа, – заговорила она повышенным тоном и повторила, почти крича, – вы забираете сердце моего мужа!

Иоганна ошеломило ее обращение к нему, ведь он был предупрежден о том, что только координаторы знают, кто реципиент, и родственники умершего не знакомы с информацией о личности того, кто получил донорский орган.

Может быть, эта женщина ожидала какое-то вознаграждение, в конце концов – с радостью! Для него деньги не проблема.

– Дорогая мадам, я сожалею о вашей потере, но если ваш покойный муж принял решение стать донором органов, не вижу в этом ничего плохого. Понимаю, если вы думаете, что я должен заплатить вам за это сердце, я.....

– Несчастный, – оборвала его женщина на полуслове. И уже истеричным голосом воскликнула, – думаете, что все можно купить! Мой муж жив и это ему предназначалось то донорское сердце, которое получите вы, потому что вы подлец и подкупили людей, которые для вас это сделали! Из-за вас вот эти мои дети останутся сиротами! Вы пользуетесь чужим несчастьем и чужой бедностью! Будьте прокляты, если вы возьмете это сердце без очереди!

Обернувшись, она пошла к выходу из больницы. Дети, испугавшиеся тона материнского голоса, с плачем побежали за ней. Никогда еще Иоганн не видел в чем-либо такого достоинства и гордости, как в том ее выходе из больницы. И никогда еще он не был так опозорен, как сейчас.

Войдя в кабинет, Иоганн спросил врача, кто следующий в очереди после него, сообщив, что он желает уступить свое место именно следующему. Получив информацию о том, что это мужчина, женат, отец троих детей, Иоганн убедился в том, что на самом деле это именно тот человек, о котором говорила ему женщина. И никакие уговоры врача уже не смогли поменять его решения об отказе от трансплантации. Даже осознание того, что это решение приведет к тому, что он может стать последним в списке ожидания.

После всего произошедшего Иоганн еще долго сидел на скамейке в приемной. На скамейке напротив него сидела молодая женщина с дочкой, у которой было совершенно ангельское личико. Ребенок был лет семи-восьми. Увидев его опечаленное лицо, девочка встала со скамейки, на которой сидела, и подошла к Иоганну.

– Дядя, почему вы такой грустный? Неужели и у вас отказала почка, как и у меня? – невинно спросила девочка, смотря ему прямо в глаза.

Иоганн нежно погладил ее по голове. Мать, наблюдая эту сцену, начала плакать, объяснив, что она понимает его состояние, предполагая, что и он не может заплатить за дорогую операцию, как и они, что у них одинаковые

судьбы. Бедная женщина не могла даже предположить, насколько она ошиблась!

Она лишь удивилась, почему этот господин так подробно расспрашивает ее о имени и фамилии, и цене трансплантации почки для девочки. Ответ на свое удивление она получила в виде чека на 100 000 долларов, выписанный на ее имя и фамилию, который ей передала маленькая дочь, когда господин уже ушел.

– Мама, этот дядя сказал, пускай я буду счастливой, если он не может! И передал тебе этот листок.

***

Несколько дней после этого события Иоганн провел, думая, как ему быть дальше. Он избегал друзей и даже Гретте сказал, что чрезвычайно занят и не может встречаться с ней из-за большого количества работы. Иоганн никому не хотел говорить страшной правды, даже своей возлюбленной.

Гретта понимала, что происходит что-то странное, несколько раз пыталась встретиться с ним, но после его упорных отказов передумала и решила дать ему возможность побыть в одиночестве, раз уж ему так этого хочется. Может быть, скоро все будет по-старому. Время лечит все...

Но время бросало все новые вызовы Иоганну, который все дни проводил, только гуляя и размышляя о своей злой судьбе. Нежданный телефонный звонок его врача и требование срочно прийти в клинику снова внесло некое

волнение в жизнь Иоганна. Он не знал, почему врач неожиданно позвонил ему и поэтому попросил своего водителя как можно скорее отвезти его в клинику.

Доктор сообщил, что результаты его последних анализов ухудшились и что, скорее всего, ему осталось жить лишь около четырех месяцев. Сокрушенный горем, сидя на заднем сидении своего эксклюзивного «Мерседеса», Иоганн принял решение – ту часть жизни, которую ему оставалось прожить, он проведет, путешествуя по миру и развлекаясь.

Раз уж его огромное состояние, которое оценивалось более чем в триста миллионов евро, не может ему помочь остаться в живых, так пусть хоть последние месяцы его жизни оно сделает яркими и незабываемыми! До этого момента Иоганн из-за множества своих хозяйских обязанностей долгое время не отдыхал и не развлекался, большую часть времени отдавая бизнесу и управлению своим большим наследственным имуществом.

Он решил в путешествие взять с собой своего старого друга Ганса, который также не был женат и с которым они могли свободно развлекаться, не думая ни о чем. Прежде чем уехать, Иоганн написал завещание, которое должно было быть распечатано только в случае его смерти или через год после его исчезновения.

Разрешив главные проблемы, Иоганн договорился с Гансом, что первой их остановкой будет Рим.

Вечный город ждал их... как и судьба...

Глава 2

Небольшой, но прекрасно укомплектованный и отделанный частный самолет, принадлежавший самому Иоганну Вагнеру, в начале мая 2000-го года приземлился на аэродроме «Рим-Урбе», находящемся всего в шести километрах от центра города. Иоганн приказал пилоту вернуться за ними через три дня.

Такси доставило их в гостиницу «Вестен Екселсиор», где Иоганн заранее арендовал номер люкс «Вилла ла Купола», одна ночь в котором стоила 14 950 долларов. В номере было две роскошных спальни. На витражах были изображены мифологические сюжеты вперемешку с модерном. Также в их распоряжении была кухня и столовая с люстрами из муранского стекла, полом, покрытым античной мозаикой, винный погреб и индивидуальный кинотеатр, с помощью отдельного лифта они могли спуститься в спортзал или джакузи.

Ганс не верил своим глазам, озираясь, в каком шикарном номере он оказался! Он с нетерпением ждал выхода в город, так как таксист уже рассказал им обо всех престижных «тусовках» и наиболее ярких ночных развлечениях.

Иоганн же, расположившись в этом люксе, ощутил в себе потребность позвонить Гретте, рассказать ей обо всем с ним произошедшим и проститься. Он попросил

Ганса подождать его возле стойки администратора, пока он закончит свой сугубо личный, сокровенный разговор. Дрожащими руками Иоганн набрал номер телефона Гретты.

– Алло... – услышав ее прекрасный голос, он замер.

– Любимая, прости, что я таким образом прощаюсь с тобой. Хочу только сказать тебе, что я тебя безгранично любил и люблю, всем сердцем и душой. К сожалению, мы больше никогда не увидимся, так распорядилась судьба.

Я не хотел брать тебя с собой, потому что желаю, чтобы больше ни один миг твоей жизни не прошел зря. Мне осталось жить два-три месяца, и, если бы мы их провели вместе, я бы совершил непоправимую ошибку, по отношению к тебе.

Желаю тебе всего самого наилучшего в жизни, найди мужчину, который будет достоин тебя и подари ему все то, о чем мы когда-то вместе мечтали. Я написал завещание, ты – одна из наследниц и тебе нечего беспокоиться о будущем, по крайней мере, о деньгах. Завещание откроют после моей смерти или через год после моего исчезновения. Неописуемо люблю тебя и поэтому желаю, чтобы ты забыла обо мне как можно скорее.

– Но Иоганн... – звук оборвавшегося звонка, как и все слова, сказанные Иоганном, целыми днями мучили затем Гретту. Хуже всего было то, что он звонил с мобильного телефона и она не могла проверить и узнать хотя бы, где Иоганн находится. Ей оставалось только ждать,

надеяться и грустить. Что-то в глубине души подсказывало ей, что она его больше никогда не увидит.

Иоганн и Ганс вышли из гостиницы и сели в такси. Водителю было приказано отвезти их на улицу Виа Велетри, 13, где находился известный диско-клуб «Алиен». Друзья все время возбужденно разговаривали и разглядывали улицы, по которым они проезжали, и поэтому не заметили, что от самого отеля их преследует какой-то автомобиль. Не заметили они и того, что за ними из того автомобиля в клуб вошли двое мужчин, одетых, как трансвеститы.

Ту ночь Ганс и Иоганн никогда не забудут. Но не перестанут они помнить эту ночь отнюдь не по прекрасным девушкам, с которыми они танцевали и веселились несколько часов, а потому, что в итоге той ночи, друзья проснулись связанными в каком-то подвале. Оба они хорошо помнили все, что с ними происходило, до того момента, когда выпили бесплатные напитки, которые им поднесла красивая блондинка.

По всей вероятности, в вино был подсыпан какой-то наркотик, потому что следующее, что они помнили, была «помощь» трансвеститов, которые посадили их в свою машину, говоря на превосходном немецком языке и обещая подбросить их до отеля. После этого момента в сознании друзей сохранились лишь мрак и темнота.

Да и сейчас, когда Ганс и Иоганн очнулись, они по-прежнему ничего не видели, так как на глазах у них были повязки, а рты плотно заклеены скотчем. Руки и ноги друзей были крепко связаны. В воздухе ощущалась сырость – это был знак, что они

находятся в каком-то подвальном помещении. Через час или два после пробуждения, узники услышали звук открывающейся двери. Кто-то обратился к ним на немецком языке грубым мужским голосом:

– Кто из вас барон Вагнер?

Иоганн кивнул головой, после чего ощутил, как кто-то снимает ему повязку с глаз. Когда его глаза привыкли к темноте, Иоганн увидел, что в подвале, кроме него и Ганса, находятся еще три человека, которые были в надетых на лица масках и капюшонах, чтобы никто не мог их узнать. Тогда Иоганн понял, что поэтому их похитители и были одеты как трансвеститы – чтобы никто из клуба не смог описать их.

– Господин барон, надеюсь, вы понимаете, что вы похищены и что мы будем требовать выкуп за ваше освобождение. Мы надеемся, что вы будете сотрудничать и что нам не придется применять к вам насилие, – раздался голос с нотками угрозы. – Если вы согласны сотрудничать, кивните головой, и я вам сниму повязку со рта. Если вы попробуете закричать, вас здесь никто не услышит, а вы всего лишь создадите себе дополнительные неприятности...

Иоганн кивнул головой. После этого к нему подошел один из находившихся с ними и снял повязку со рта.

– Хорошо, господа! Прошу вас, снимите повязки и моему приятелю. Даю вам слово, что он будет молчать.

Замаскированный бандит посмотрел в сторону шефа, ожидая положительной реакции, на что тот кивнул головой, и Ганс тоже был освобожден.

– Дорогие господа, если ваши условия будут разумными, я их, конечно же, исполню, – поспешил сказать Иоганн перед тем, как похитители продолжили разговор. –Если я смогу выплатить сумму, которую вы потребуете, я сразу же скажу вам об этом. Если цифра будет очень высокой, знайте, что я последний потомок в нашей семье и занимать деньги мне не у кого.

– Господин барон, пусть ваши люди приготовят пять миллионов евро и считайте себя свободным, – без раздумий ответил главный похититель.

– Господа, я вижу, что вы профессионалы, во-первых, по тому, как вы получили информацию обо мне, во-вторых, по тому, как вы узнали точную сумму денег, которую я имею. Господа, считайте, что мы договорились. Предлагаю вам такой вариант наших отношений. Сначала вы отпускаете моего друга Ганса в Германию. Я дам инструкции Гансу, когда он позвонит мне уже из Германии, где и каким образом получить деньги, а вы после этого с ним договоритесь о месте и условиях обмена.

Надеюсь, что вы джентльмены и условия договора будут выполнены. Я вижу, что вы забрали наши мобильные телефоны, купите новый телефон, потому что предполагаю, что вы опасаетесь прослушки, и тот номер назовите Гансу, через два дня в определенное время совершив вызов с него на мой рабочий номер телефона.

Ты, Ганс, жди в моем кабинете на фирме, и когда я увижу, что ты мне звонишь из моего офиса, то буду знать, что с тобой все в порядке, и тогда сообщу, к кому следует обратиться за деньгами, а позднее ты решишь,

как будет осуществлена передача выкупа. Вы согласны с таким вариантом, господа?

– Хорошо, господин барон, – с удовлетворением в голосе сказал главный похититель, который, очевидно, не ожидал такого спокойного развития событий, – мы сделаем, как вы предложили. Так! – обратился он к своему напарнику. – Освободи господина Ганса, отведи его до подземного перехода и отпусти. Ваши документы здесь, –он передал Гансу паспорт, – вот вам ваши деньги на такси и билет на самолет. Вы заплатили за апартаменты в гостинице? – спросил главный из бандитов, обращаясь к Иоганну и таким образом желая узнать, будут ли сотрудники отеля заявлять о пропаже гостей в полицию.

– Да, господин, мы заплатили за три дня пребывания в отеле, потому что столько планировали пробыть в Риме. Ганс, прошу тебя, не обращайся в полицию, речь идет о моей жизни! Ни здесь, ни в Германии! Надеюсь, что ты понимаешь, – все в твоих руках. Особенно важно, чтобы ты точно придерживался моих инструкций, когда позвонишь из Германии. Прощай, друг мой!

Ганс подошел к нему и обнял. Глаза их наполнились слезами.

– Держись, друг мой, – сказал Ганс и вышел из подвала в сопровождении двоих похитителей.

– Должны ли мои руки и ноги быть связанными, господин? – спросил Иоганн главного похитителя, которого остальные называли шефом.

– К сожалению, да, господин барон. Хотя бы пока мои партнеры не вернутся. Тогда мы снимем повязки и

принесем вам пищу. Потерпите до того момента, - «шеф» вышел из подвала и закрыл за собой дверь.

Иоганн вздохнул. Он сумел уговорить их, чтобы они освободили Ганса, и это было для него очень важно. Похитители и не предполагали, что их ждет по задумке Иоганна... Но и Иоганн тоже не смог предвидеть будущего...

Через два дня, в определенное время, похитители позвонили Гансу на его мобильный телефон, чтобы он запомнил номер, на который должен был позвонить, и сбросили вызов. Через некоторое время телефон действительно зазвонил, и его дали Иоганну. На дисплее был номер телефона кабинета Иоганна, таким образом, он убедился, что Ганс на самом деле в Германии и на свободе.

– Как ты себя чувствуешь, Иоганн? Как обращаются с тобой? Что я должен сделать и к кому обратиться за деньгами? – заботливо спросил Ганс.

– Все в порядке, Ганс. Прошу тебя, передай привет Гретте и всем моим друзьям. Поговори с Греттой, и она тебе объяснит ситуацию, в которой я нахожусь, а, значит, ты не должен ничего делать, иди и свободно сообщи в полицию о произошедшем.

Ошеломленный похититель отнял у него телефон и оборвал связь. Сильный удар по голове оставил Иоганна почти без сознания. Но это не помешало ему улыбнуться и сказать похитителям:

– Господа, вы все сделали как надо, кроме того, что не навели справки о моем здоровье. Мне осталось жить не

более двух месяцев, потому что я болен неизлечимой болезнью сердца и не сумел найти донора для трансплантации. Так что мне все равно, убьете ли вы меня прямо сейчас или я скоро умру от болезни. Я доволен тем, что мне удалось обмануть вас, чтобы вы освободили Ганса, и тем, что вы не получите выкупа за меня. Можете меня убивать – я для вас совершенно бесполезен!

Через несколько минут зловещего молчания, которое повисло в воздухе после речи Иоганна, «шеф» заговорил:

– Возможно, господин Иоганн, возможно. Хотя, если хорошо подумать, вы не так уж бесполезны для нас. Представьте себе, что вы совсем не так уж бесполезны! Кроме похищений, мы занимаемся и другими выгодными делами, к примеру, продажей человеческих органов, так что немного денег мы все-таки получим за ваши почки, печень, легкие и... что-нибудь еще.

Этот ответ испугал Иоганна, который только сейчас понял, что его теперь ждет, какие возможные мучения. Он замолчал, погрузившись в раздумье, осознав, что попал в руки к зверям, которые ради денег не остановятся ни перед чем.

– Господи, помоги! – вздохнув, подумал Иоганн. – Дай мне силы выдержать еще немного!

Тяжелые мысли долго не давали ему заснуть. Он слышал, как в соседнем помещении похитители с кем-то разговаривают по телефону на неизвестном ему языке, скорей всего, с настоящим руководителем своей преступной организации. В том, что его органы действительно продадут, он убедился на следующий день.

После долгой езды на автомобиле Иоганна ввели в какое-то помещение и сняли повязку с лица. Он понял, что находится в частной больнице, оснащенной самой современной аппаратурой, в которой работают отличные врачи. После нескольких осмотров, старый диагноз, поставленный ему лучшими врачами Германии, был подтвержден.

Два дня он лежал привязанным к кровати, пока его дополнительно обследовали, потом его повели на операцию. Последнее, что он помнит, была маска на лице хирурга, который держал хирургический скальпель в руке. Неизвестно, сколько времени прошло с момента, когда он заснул, до момента его пробуждения. Он видел неясные контуры и слышал неясные голоса.

Ужасная боль в груди подсказывала, что ему удалили какой-то орган, но он не знал какой. Лица и предметы постепенно прояснялись, и он увидел глаза того самого хирурга, который его оперировал. Из всего, что он услышал, Иоганн успел лишь понять, что доктор говорил по-итальянски. Он был слишком слаб, чтобы что-то сказать, он закрыл глаза и провалился в сон.

Когда Иоганн проснулся, он понял, что потерял счет времени и уже не знал ни сколько дней или недель прошло от момента, когда его прооперировали, ни сколько раз это сделали. Прошло еще несколько дней, которые он провел лежа, привязанный к кровати, под надзором и при, на удивление, бережном отношении врача.

В один прекрасный момент он услышал голос человека из подвала, одного из похитителей. Только тогда он

понял, что все это время не видел ни одного открытого лица. Все вокруг него: и врачи, и медицинский персонал – были в масках!

«Шеф» обратился к нему почти дружеским голосом.

– Как вы себя чувствуете, господин барон?

– Если учесть то, сколько органов вы вынули из меня, думаю, что чувствую себя хорошо. С нетерпением жду момента, когда посмотрю смерти в глаза. Мне непонятно, как вы можете быть таким животным и еще лицемерно спрашивать меня о самочувствии!

– Почему вы так скверно думаете обо мне? О человеке, который спас вам жизнь! Дорогой мой барон, из вас ничего не вынули, кроме больного сердца, которое вам не было уже нужно! Мы вам дали новую жизнь!

Так что пора бы вам подумать о тех пяти миллионах евро, которые вы нам обещали в качестве выкупа. Ах да, чуть не забыл, к тем пяти миллионам добавьте еще сто двадцать тысяч! Это расходы на вашу операцию по пересадке сердца.

Врачи, поверьте мне, самые лучшие специалисты, говорят, что ваше тело отлично отреагировало на донорское сердце и что вы проживете еще много лет! Думаю, что у вас будет достаточно времени подумать о выкупе, потому что сейчас мы повезем вас туда, где вы останетесь до полного выздоровления. Когда вы почувствуете себя лучше – скажете мне. Сейчас все зависит от вас!

Иоганн не мог поверить в то, что сказал похититель. Он подумал, что это очередной обман. Но время текло, а он чувствовал себя все лучше и лучше и постепенно

начал верить в услышанное от бандита. Его перевезли на медицинское судно, где ему чуть позднее даже разрешили гулять по палубе. Он заметил, что на судне есть еще пациенты, только на других палубах, и что они так же свободно гуляют, как и он.

Иоганн понял, что это люди, которые заплатили за трансплантацию органов, купленных на черном рынке, и что они здесь, в отличие от него самого, по своей собственной воле. В нем что-то бурлило, какое-то внутреннее смятение, он не знал радоваться или тосковать, верить или не верить похитителям.

Он принял решение заплатить выкуп. Он точно узнает, что с ним произошло, лишь когда его обследует его личный доктор. Пять миллионов евро ничего не значили в его бюджете, и он сказал похитителям, что согласен заплатить выкуп. Но теперь они не верили Иоганну и требовали денег, которые он не мог перевести без личного присутствия в банке. Тогда он позвонил Гансу.

– Иоганн, ты еще жив!? – плача, спросил Ганс, потерявший уже всякую надежду увидеть друга в живых. Полицейский розыск результатов не дал, никаких сведений о похищенном не было, поэтому Ганс просто обомлел, когда услышал в телефоне голос Иоганна. – Извини, дорогой мой, но прошло шесть месяцев с момента похищения, я давно тебя оплакал. Слава Богу, врачи ошиблись, пророча тебе три месяца жизни, как мне сообщила Гретта. Ты все еще у похитителей?

– Мне не разрешают долго разговаривать, поэтому слушай меня внимательно. Ты знаешь ситуацию с

самого начала и знаешь, что я не хотел платить выкуп. Случилось самое невероятное: мне пересадили донорское сердце, я выздоравливаю и у меня сейчас есть за что заплатить.

Ничего не говори полиции, ни в коем случае. Сходи к моему родственнику Томасу, объясни ему ситуацию, в которой я нахожусь. Я завещал ему двадцать миллионов евро. Пусть заложит свои дома и землю, пусть возьмет кредит. Если я не объявлюсь после оплаты выкупа, по завещанию он вернет свои деньги, даже получит гораздо больше.

Завещание вступит в законную силу через год после моей смерти или пропажи, так что деньги он получит самое позднее через шесть месяцев. Раз прошло уже шесть месяцев, как ты говоришь. А если все будет в порядке, деньги ему верну лично.

У меня нет времени все объяснить ему, это сделаешь ты, я же позвоню ему и скажу, где и на какой счет нужно будет перевести деньги. Никому не говори о нашем разговоре и передай Томасу то же самое. Я позвоню вам через несколько дней. Счастливо, мой дорогой Ганс.

– Счастливо, друг мой, сделаю все, как ты сказал. Буду молиться Богу, чтобы мы увиделись как можно скорее!

– Молись, Ганс! Я и сам теперь стал гораздо чаще и сильнее обращаться к Богу, о Котором долго забывал в суете своей прежней жизни!

Спустя четыре дня, которые Иоганн, наконец, провел без страха за свою жизнь, ожидая телефонный звонок, появился главный похититель и сказал, что он может

позвонить Гансу. Дрожащими руками Иоганн набрал номер Гансу и услышал его голос.

– Все в порядке? – дрожащим голосом спросил Иоганн. Он уже не боялся смерти и только хотел знать, что же будет с ним в конечном итоге. Ему хотелось, чтобы все как можно скорее закончилось, а что будет потом – ему было все равно. Если его оставят в живых, значит, Бог услышал его молитвы. Он надеялся, что похитители его не убьют как раз потому, что он никогда не видел их лица и не знал место своего заточения.

– Все в порядке, звони Томасу, – бодрым голосом проговорил Ганс. Иоганн сразу же опустил трубку и перезвонил Томасу.

– Алло, – услышал Иоганн тревожный голос своего родственника, который, вероятно, уже предположил, с кем разговаривает.

– Томас, это Иоганн. Сделал ли ты так, как просил Ганс?

– Конечно, дорогой мой родственник! Скажи мне только, на какой счет тебе перевести деньги, и уже завтра они будут в твоих руках. Я никому ничего не сказал, боясь за твою жизнь. Скажи им об этом, чтобы они не сделали какую-нибудь роковую ошибку! Мы все тебя очень любим и очень ждем тебя! – возбужденным голосом проговорил Томас, не зная, как себя вести в такой ситуации.

– Прошу тебя, внимательно запиши, – сказал Иоганн и продиктовал данные банка и номер счета, на который нужно было перевести деньги.

Никогда в своей жизни Иоганн не проживал такие длинные сутки, как те которые последовали после разговора с Томасом. Только теперь, когда он ощутил, что существует шанс выжить, он начал бояться потерять этот шанс. Даже прошлые ощущения, когда он ожидал смерти, не могли сравниться с эмоциями, которые бурлили в нем сейчас.

Достаточно одной искры надежды и человек начинает бороться за нее! Иоганн не мог поверить, что все еще жив, и теперь даже в самом похищении начинал видеть действие Божьего провидения. И поэтому верил в свое благополучное возвращение домой.

Вечером он услышал шаги похитителей. Ему завязали глаза и повели в неизвестном направлении. После долгой езды, вероятно, в каком-то микроавтобусе, похитители остановились и вывели его из машины. Когда Иоганну сняли повязку, он понял, что находится в том же самом подвале, в котором его держали ранее. На кровати увидел аккуратно сложенный новый костюм.

Главный похититель обратился к нему:

– Господин барон, здесь костюм и деньги на дорогу. Мы уходим, а вы потихоньку оденьтесь и приготовьтесь. Через полчаса вы выйдете отсюда, в кармане пиджака часы, возьмите такси и езжайте в аэропорт. Ни в коем случае не обращайтесь в полицию, мы едем за вами.

Мой вам совет вообще никому ни о чем не говорить ни здесь, ни в Германии. Это в ваших же интересах. Иначе придется доказывать факт реального похищения, а не организованной вами самим инсценировки с целью

обоснования проведенной вам нелегальной медицинской операции. Желаю вам счастливого пути! – любезным голосом обратился к нему похититель и вышел на улицу.

Через тридцать пять минут Иоганн потихоньку вышел из подвала. Он прошел темным коридором и оказался на улице, полной прохожих. Остановил такси и отправился в аэропорт. Он не говорил с таксистом, хотя ему очень хотелось поговорить, так как боялся что это один из преступников. Он уже знал, что имеет дело с сильной международной криминальной группировкой, с почти военной иерархией. Когда Иоганн очутился в самолете, он ощутил, что наконец полностью свободен. И жив... В настоящем смысле этого слова...

Глава 3

Первые врачебные осмотры, которые Иоганн прошел у своего личного доктора, были пронизаны его страхом. Но слова, которые он услышал от своего врача после получения результатов обследования, развеяли все его сомнения. Операция, по мнению немецкого доктора, была сделана на высшем хирургическом уровне!

Иоганн не хотел объяснять, где его прооперировали и кто это сделал, хотя его доктор настаивал на информации из профессиональных соображений. Иоганн ему лишь сказал, что операцию ему сделали в Америке и что она очень дорого стоила.

Доктор в ответ прокомментировал, что за такую работу не существует слова «дорого» и поздравил Иоганна с новой жизнью, которая ему теперь предстоит, записав его на контрольный осмотр через шесть месяцев.

***

Новая жизнь, с новым сердцем, неожиданно дала Иоганну и новые сны.

Он не запомнил даты, когда эти сны начали ему сниться, но заметил, что ему снятся все время один и тот же пейзаж и одна и та же сцена. Обычно в начале сна он слышал тихий звук церковного колокола, который бил в

ритме сердца. Тот нежный благолепный звук вел его к одному большому деревенскому двору, окруженному с трех сторон лесом. В середине двора находился колодец, к которому вела дорожка, вымощенная темно-красной плиткой.

Дорожка около колодца разветвлялась и вела с одной стороны к дому, с другой – к отдаленным хлевам, а с третьей – к выходу из двора, туда, где соединялась с широкой дорогой для машин. Эта широкая дорожка была длиной метров около двадцати и вела к асфальту, пролегавшему через деревню.

Около колодца, с его правой стороны, был кран, а с левой – поилка для крупного скота. В этой средней части двора, которая, как и верхняя, и нижняя части, была огорожена сеткой с калитками, через которые можно было пройти из одной части двора в другую, свободно гуляло множество домашних птиц.

С левой стороны двора, если смотреть в направлении дома, находилось здание, вернее, его передняя часть, в котором располагались помещения для домашней птицы и загон для овец. Задняя часть здания, в два раза длиннее и шире, чем дворовая его часть, уходила глубоко в сад.

В этой части двора находилась сельскохозяйственная техника, в числе которой был и комбайн. Дорожка, которая проходила через сад, была широкой, так что проблемы въезда и выезда из двора не было. Эта дорожка выходила прямо на главную деревенскую дорогу, которая вела в левую сторону в луга, а в правую – в поля.

С правой стороны среднего двора находились большие двухстворчатые ворота, через которые проезжали машины и проходил скот. Маленькие ворота, для людей, вместе с большими воротами составляли одно целое. Через весь двор, от дома до ворот, на четырехметровой высоте, была натянута металлическая проволока, а на нее была прикреплена цепь с привязанным к ней красивым псом.

Вел он себя как беспрекословный владелец двора: разгонял, когда ему хотелось, по двору кур и индеек, страшно рычал при появлении неизвестного посетителя и весело лаял, когда видел кого-то из домочадцев. Другой пес жил в саду, но был привязан на цепь покороче, он охранял заднюю часть здания, где была вся техника!

Третья собака, маленькая черная такса, бегала свободно, в основном, болталась под ногами у обитателей дома и всегда бегала за ними, когда они шли на работы в поля и луга. В конце двора располагались стойла, свиной хлев, амбары. Там находился и туалет, и кучи навоза.

Двор заканчивался лугом, на котором находились стога сена и огромные кучи соломы. На этом лугу иногда пасли коров, когда некому их было гнать на дальние луга. В самом конце двора была ограда и маленькие ворота, через которые можно было выйти к ручью.

Этот ручей служил как своеобразная граница с соседним имением. В верхней части имения располагались жилые дома. Большой двухэтажный дом доминировал над всем подворьем. Северная часть дома выходила на

деревенскую дорогу, и с той стороны были только окна и две террасы.

Вход в дом находился на южной стороне дома, которая располагалась в самом дворе. Выйдя из дома, можно было увидеть весь двор, как на ладони. За домом, ближе к колодцу, находилась летняя кухня, в которой почти круглый год обитатели дома проводили больше всего времени.

Это был низкий дом с одной большой и несколькими маленькими комнатами, которые, в основном, использовались как чуланы и кладовые. За большой обеденный стол, который стоял посередине самой большой комнаты, могло сесть человек двадцать. Печь стояла в самом углу, а рядом с ней был маленький стол.

На печи постоянно что-то варилось, и редко случалось, чтобы печь была холодной. Кухонный и стенные шкафы располагались с другой стороны комнаты. Пол был выложен плиткой, чтобы ее было легко протереть, потому что домочадцы здесь не разувались.

Перед летней кухней рос большой орех, а под орехом стоял стол и деревянные скамейки. Здесь утром пили кофе и отдыхали днем в прохладе. С этого места хорошо была видна деревенская дорога с обеих сторон, потому что дом был построен на извилине.

Слева от ореха, метрах в двадцати, в верхней части двора располагался бассейн. Вернее, он больше был похож на бетонный резервуар пять метров шириной и метров десять длиной, построенный так, что водой, которую можно было выпустить из бассейна, поливали

целый огород и часть сада. Глубина бассейна в полтора метра была вполне достаточна для детей, весело купавшихся здесь летом.

Именно такую картину в своих новых снах видел Иоганн Вагнер. Много ночей провел он, видя во сне все новые и новые детали того же самого сновидения. Все это продолжалось до того момента, пока он не обозрел все это имение со всех его сторон.

Но Иоганн никогда не видел его жителей. Иногда, когда ему казалось, что он вот-вот кого-то увидит, он слышал далекий голос, который звал его: «Йован!» И сразу просыпался...

Долго после этого сидел на кровати, охваченный какими-то непонятными, но приятными ощущениями. Сам не зная почему, он ощущал, как его душу переполняли счастье и радость.

Иоганн разговаривал с Греттой о своих снах, а она ему отвечала, что беспокоится о его здоровье, что ночью укрывает его и наблюдает за ним, когда он спит, что она часто видит, как он улыбается во сне, словно чему-то тихо радуется.

Она прикасалась рукой к его лбу, и ей казалось, что у него всегда, когда он улыбается во сне, повышается температура. Когда же улыбка уходит с его лица, то и температура падает. Гретта не предавала этому большого значения и поэтому никогда ничего не рассказывала сама. Лишь однажды она посоветовала Иоганну обратиться к врачу, на что он отмахнулся: «Все хорошо! Почему-то я себя очень хорошо чувствую, когда хожу по этому двору!»

Проходили дни, наполненные тихим домашним счастьем. Иоганн пообещал себе, что больше никогда он не будет так много работать, как прежде, и что себе и Гретте он подарит больше отдыха и любви. Он решил сделать ей предложение.

О своем решении Иоганн рассказал Гансу, Францу и Марте. Он попросил, чтобы Гретте никто об этом не говорил, потому что хотел ее приятно удивить сюрпризом. Случилось это очень скоро.

Выходные дни они проводили в уютном комфортабельном отеле за городом. Когда Гретта ранним утром вошла в ванную, она увидела, что раковина чем-то забита. Она сказала об этом Иоганну, и он спустился вниз, чтобы пригласить сантехника. Через несколько минут в номере зазвонил телефон.

– Алло, – ответила Гретта.

– Дорогая, это я! Сантехник будет через несколько минут, а я отойду к киоску и куплю газеты!

Очень скоро Гретта услышала стук в дверь. Сантехник вошел в ванную и через несколько минут позвал Гретту.

– Хотите взглянуть, в чем дело? Это кольцо я нашел в трубе. Это ваше помолвочное кольцо? – он вопросительно посмотрел на Гретту, показывая ей великолепный перстень с бриллиантом.

– К сожалению, нет, – ответила Гретта.

– Знаете, на самом деле, господин, который меня вызвал, сказал, что кольцо будет вашим, если вы положительно ответите на его вопрос, хотите ли вы

выйти за него замуж. Он ждет вашего ответа за дверью, – с улыбкой сказал человек.

– Да, да, да! – вскрикнула Гретта и побежала к дверям, из-за которых к ней шагнул улыбающийся Иоганн. Гретта бросилась ему в объятья, беспрерывно целуя его святящееся от счастья лицо.

Свадьбу, на которой присутствовало более пятисот гостей, сыграли в большом великолепном дворце. Свидетелями венчания были Ганс и Марта. Медовый месяц молодые провели в Греции. Это был незабываемый период любви и счастья, который они будут помнить всю оставшуюся жизнь.

Но последнюю ночь, которую они провели в Греции, Иоганн запомнил по прекрасному женскому лицу, которое он в первый раз увидел в своем сне…

Глава 4

– Йован, дорогой... – услышал нежный женский голос, который его звал во сне.

Перед ним в том же самом, хорошо знакомом ему дворе стояла красивая черноволосая женщина с большими голубыми глазами. С любовью и нежностью смотрела она на него, держа его руки в своих руках.

– Никто и никогда нас не разлучит, не правда ли, любовь моя? – с какой-то странной тоской в голосе спросила она, опуская свою голову на его грудь.

Иоганново сердце встрепенулось от этого нежного прикосновения. Около дома, в верхней части двора, как заметил он, стоял мальчик лет четырех-пяти и радостно махал им рукой. Другой рукой ребенок, улыбаясь, гладил по голове черную таксу. Под ореховым деревом сидел старик и медленно закручивал табак в бумагу.

Увидев их всех, Иоганн махнул им рукой в знак приветствия. В глубине двора он увидел старую женщину с корзиной кукурузы в руках. И она тоже махнула ему рукой, весело смеясь. Так, обнявшись, стояли они в середине двора до момента, пока его не разбудил голос Гретты:

– Иоганн, дорогой... – Гретта нежно положила свою голову на его грудь. – Нас никто и никогда не разлучит, не правда ли, любовь моя?

– Никогда, Гретта, любимая, никогда... – ответил Иоганн, задумчиво смотря в потолок. После возвращения в Германию, продолжились их счастливые дни. И ночи.

Иоганн постепенно привыкал к тому, что видел каждую ночь во сне. Он даже как-то сблизился с теми, вдруг ставшими ему дорогими, лицами, которые в своих сновидениях он видел живо, как наяву.

Постепенно они стали частью его жизни, и ночью он словно возвращался в какой-то свой другой дом. Даже порой с нетерпением ждал того времени, когда заснет. Все это продолжалось до того момента, пока Иоганн не увидел еще один сон, совсем необычный.

***

Ему приснилось, будто он спит и ему снится необыкновенный сон. Но это спит не он, Иоганн, а совсем другой человек, чьи мысли и чувства Иоганн переживал и ощущал как собственные.

Долго этот человек ворочался в постели в ту ночь. Сон никак не приходил, глаза не закрывались, а какие-то тяжелые мысли давили его, как бывает перед каким-либо несчастьем. Он не ощутил ни того, как заснул, ни – когда это произошло.

Помнит только, как выйдя во двор во сне, он увидел, что весь двор был покрыт яйцами. И яйцами какими-то огромными, а свободного места между ними не было! Смотрит тот человек удивленно на яйца, а они

разбросаны везде и всюду, взглядом не охватить! Все белеет вокруг, аж глаза болят!

Протер он глаза руками, а когда снова взглянул, то яйца вроде как немного приподнялись. И только теперь он увидел, что это вовсе не яйца, а белые шапки. Из-под шапок скалятся лица, смеются и зовут к себе.

Закрыл глаза, а когда их снова открыл, увидел маленькую девочку в неизвестной национальной одежде, которая по этим яйцам быстро скачет к нему. Когда она наступает на яйцо, прижав его, оно опускается вниз, но когда она перешагнет на другое, освобожденное яйцо сразу же поднимается вверх. Эти выглядывающие из-под шапок-яиц лица заглядывают ей под юбку и всячески показывают ей свое презрение.

Видит тот человек и крестьянку, которая держит за руки троих детей, на плече у нее ружье, и она зовет его на помощь. Он молчит, не может сказать ни слова. Крикнул бы, крикнул бы пронзительно, но не может, не выходит голос из груди. Напрягается, напрягается во всю мочь, пытается выдавить из себя голос – нет, никак не может!

Видит и какого-то мужчину в необычной шапке, как перевернутая лодка, который идет к нему задом и штаны у него спущены. Красный, кровавый след остается за ним. Только тогда, когда тот мужчина подходит ближе, он видит горло бутылки от водки, которая торчит из его ягодиц.

Льется кровь из него по этим белым шапкам, а искаженные лица из-под них пьют эту кровь, облизываясь.

Как хлебнут крови, шапка растет, как и голова под этой шапкой, а лица становятся все ужаснее и некрасивее.

Видит он и церковь, парящую над этими шапками, и мирно приближающуюся к нему. Те страшные головы сгибаются, будто бы испуганы, но только тогда, когда проплывает церковь над ними. А потом эти лица скрипят зубами, плюют ей вслед и сыплют угрозами.

Обнял бы видящий сон человек эту церковь, прижал бы к своей груди, спрятал бы ее под рубашкой, но не может ее достать. За ней по этим шапкам тащится церковный колокол, подскакивая, когда прикасается к ним, но молчит, голоса не подает. Должен бы был звонить, а он молчит! А должен был бить тревогу!

Потом видит покойную мать, которая выходит со двора. Она еще красивая, такая, какой он ее помнит. На голове ее черный платок, а в руке веник. Мать начинает подметать двор, и, к удивлению, как взмахнет веником, шапки претворяются в мыльные пузыри!

Как взмахнет веником, поднимает их в воздух, и они лопаются! И чем сильнее взмахивает – тем пузырей становится все меньше и меньше. Человек смотрит, не веря своим глазам, и улыбка появляется на его лице.

– Подметай, мама, подметай, подметай! – раздается его крик над двором.

Вдруг появляется и Солнце. Всходит оно – и становится как-то очень тепло, теплее обычного. И тянет человек свои руки к Солнцу. Солнечные лучи его ослепляют, и он закрывает глаза. Когда он снова открывает их, сейчас же проснувшись, он видит, что это не Солнце, а

свет фонаря, направленного прямо ему в лицо. Слышит голос, который его спрашивает по-немецки:

– Где прячешь оружие?

Перед собой видит группу немецких солдат с ружьями, нацеленными на него. Какой-то человек в гражданском, который стоял с правой стороны кровати, спросил его что-то на непонятном Иоганну языке, вероятнее всего, перевел вопрос этого солдата. Когда он что-то ответил, этот в гражданском приблизился к его лицу с такой злобной гримасой, что Иоганн от страха проснулся.

Глава 5

Проснувшись, Иоганн был уверен на сто процентов, что приснившийся ему сон – сон его донора. Находясь под сильным впечатлением от этого сна, Иоганн решил поискать некоторые детали своего сновидения, которые он наиболее ярко запомнил, в интернете.

Церковь из его сна была более похожа на православные церкви, фотографии которых он нашел в интернете, чем на католические или протестантские, а военные подразделения, которые ему снились, были похожи на натовских миротворцев, так что свой поиск Иоганн ограничил православными странами, на чьих территориях недавно были военные действия.

Смутило его то, что солдат во сне обратился к нему по-немецки, ибо Иоганн знал, что Германия никуда не посылает свои вооруженные подразделения. Но этот факт и навел его на мысль, что речь идет о Косово, потому что недавно он где-то прочитал, что немецкая армия (Бундесвер) в составе НАТО в первый раз после Второй мировой войны, в боевой миссии открыла огонь и убила двух сербов. Свое внимание он сосредоточил на поиске данных о Косово, надеясь, что где-то там находится деревня из его сна.

Иоганн никогда раньше не слышал о Косово. О Сербии, стране, в которой Косово находится, он знал от

своего деда, участника Второй мировой войны, которого военный вихрь забросил как раз в эту страну. В первый раз он тогда услышал, что кто-то о своих врагах говорит с уважением.

Дед рассказал ему также и историю, которую услышал от своего отца, о том, как в далеком 1915 году комендант немецкой армии после взятия Белграда воздвиг памятник его защитникам, в знак выражения глубокого уважения храбрости противника.

Тот самый комендант, маршал Август фон Макензен, сказал своим солдатам перед наступлением на Сербию:

– Вы не наступаете ни на итальянском, ни на русском, ни на французском фронтах. Вы идете в бой против нового врага – опасного, выносливого, храброго и отчаянного. Вы идете на сербский фронт в Сербию, а сербы – народ, который любит свободу и который борется, жертвуя собой до последнего.

Смотрите, чтоб вам этот маленький неприятель не омрачил славу и не скомпрометировал прежних успехов славной немецкой армии!

После смерти деда Иоганну никто больше не рассказывал военных историй из времен Второй мировой войны, хотя они его интересовали. Его отец не любил эту тему, да и в школе ничего конкретного об этом не говорили.

Желая побольше узнать о Сербии и Косово, Иоганн собрал все сведения, которые смог найти в интернете. Его удивил сам факт, что такая маленькая страна, как Сербия, имеет такую богатую и длинную историю. И что

вся ее история и слава перестала существовать вместе с государством, которое называлось Югославией.

Об этом государстве Иоганн слышал, знал, что это была коммунистическая страна, в которой жили прекрасные спортсмены и которая развалилась в кровавой гражданской войне.

***

Иоганнов розыск информации, с целью как можно лучше узнать о Косово, начался с самого значения этого названия. Сербская версия о происхождении слова «Косово» корнями уходила глубоко во времена великой битвы, которая произошла в 1389 году на громадном поле между сербами и турками.

Исторические данные и легенды говорят, что это поле после битвы было сплошь покрыто трупами. Именно на эти трупы слетелись огромные стаи птиц, которых сербы называют «косы» (дрозды) и которые на самом деле были всеядными стервятниками, так что целое поле стало черным от них. Поэтому этот край и получил название Косово поле.

Иоганн пересмотрел и старые немецкие географические карты и обратил внимание, что на них Косово поле называется Амзелфельд, что подтверждает этот рассказ, потому что название этой птицы по-немецки – «амзел», а поле – это «фельд». Иоганн также заметил, что у албанцев нет имени для птицы дрозд, поэтому они и не перевели название области.

Сербскому названию они только заменили окончание с «о» на «а» в конце слова, и поэтому у них «Косова», а у сербов – «Косово». Его поразил сам факт, что это сербское название, тогда как в немецкой журнально-газетной прессе он читал, что Косово давным-давно принадлежит албанцам и что сербы его оккупировали только в 1918 году.

Прочитал он и сведения о том, что все церкви на Косово выстроены в период с XII по XVI века, когда сербы попали в многовековое рабство Османской империи.

Когда он посмотрел фотографии народных костюмов сербских жителей Косово, то увидел, что шапки у них именно такие, какие он видел в своем сне. Этот сербский головной убор называется «шайкача», и похожа она на перевернутую лодку, которую сербы называют «шайка».

Албанский же головной убор называется «кече» или «чулаф» и удивительно напоминает «яйца» из его сна. После изучения всего этого материала Иоганн был абсолютно убежден, что ему снятся сновидения какого-то серба из Косово. Вероятнее всего, именно того, кто подарил ему свое сердце.

Кто он – этот неизвестный Иоганну донор? При каких обстоятельствах его сердце перешло к новому владельцу? Это все необходимо было узнать, Иоганн ощущал непреодолимую потребность в этом. К сожалению, истину он узнает только во сне!

Глава 6

Натовские солдаты грубо вытащили Йована из кровати, пока его жена исступленно визжала от страха. Он посмотрел на перепуганное лицо своего маленького плачущего сына, который выглядывал из-за двери своей детской комнатки. Он махнул головой и улыбнулся сыну в знак того, что все в порядке. Мальчик все равно не переставал плакать.

Солдаты вывели Йована во двор. Он услышал голоса матери и отца, как они протестуют и ругаются с солдатами. Командир патруля обратился к нему повелительным тоном:

– Мы знаем, что у вас есть оружие и в ваших интересах признаться и показать нам, где вы его прячете!

Йован отрицательно покачал головой, смотря в направлении дома. Где он спрятал оружие, конечно, он никому не скажет, даже если его будут мучить и пытать. Каждый дом в его деревне имел спрятанное оружие, чаще всего закопанное где-то во дворе.

У солдат были сведения об этом, и часто после детального обыска дома они с металлодетектором обходили огороды и имения сербов. Правда, оружие находили редко, потому что оно было замотано в фольгу и нейлоновые пакеты. Только тогда, когда у солдат была точная

информация о месте, где закопано оружие, они находили и отбирали его.

Албанцы доносили, где и в какой сербской деревне спрятано много оружия. Они хорошо знали это, потому что многие их земляки погибли от этого оружия во время нападений на сербские деревни.

Налеты албанцев на свои деревни сербы всегда встречали хорошо подготовленными. Еще двадцать лет назад, вернее, после массовых и разрушительных демонстраций албанцев в 1981 году, сербы, которых в Косово и Метохии тогда уже было меньшинство, знали, что теперь их ждут албанские погромы, они знали также, что косовские албанцы хотят отделиться от Югославии и присоединиться к Албании.

Всему этому способствовала государственная политика, которая была на их стороне. Несмотря на то, что официальные власти выступали против такого развития событий, признаков, что ситуация будет лучше, видно не было.

Многочисленные делегации сербов приезжали в столицу Югославии, Белград, с жалобами на террор, который терпят от албанцев. Свидетельств о массовых убийствах сербов, изнасиловании женщин, нападении на священников и церкви, терроре над сербскими детьми было неисчислимое множество... Реакции не было никакой!

Тогда жители сербских деревень решили обороняться самостоятельно. Крестьяне вооружились, многие продавали скот, чтобы купить оружие, начали организовывать

ночные дозоры. После нескольких безуспешных попыток напасть на такую деревню, албанцы отказывались от своих намерений и уходили в другие места, о которых знали, что их жителей некому защищать.

Там они терроризировали сербов, убивали, насиловали и воровали все, что могли унести. Очутившиеся без государственной защиты сербы продавали свой скот, дома и землю и переселялись в Сербию. Те, кто остался, вооружались и оборонялись, как могли. С 1981 года до начала войны 1999 года из Косово выехало двести тысяч сербов.

Только тогда, когда албанцы начали нападать на государственные институты, начали убивать полицейских и чиновников, из засады, везде и всюду, только тогда все поняли серьезность проблемы. Но было уже поздно! Вихрь войны захватил всю Югославию, помимо Косово.

Все это время косовские сербы испытывали непрекращающуюся албанскую агрессию. Они оборонялись самостоятельно до того момента, пока их не начали «защищать» солдаты – «миротворцы» НАТО. Сначала у них отобрали оружие, а потом бросили на произвол судьбы, и теперь их, уже безоружных и беспомощных, до зубов вооруженные албанцы безнаказанно грабили и убивали.

Именно поэтому Йован и не хотел признаваться, где он спрятал свое оружие. Чем же потом он будет защищать свою семью? Потому он и молчал, когда натовский офицер кричал на него. Его отвезли на местную военную базу и продержали там в тюрьме три дня. Несколько его

соседей тоже было арестовано в то время, но никто из них не проговорился и не сказал, где спрятал оружие.

Солдаты НАТО не знали албанцев так, как знали их сербы. А сербы знали, что пока они вооружены, на них никто не посмеет напасть, так как албанцы всегда нападают только на безоружных и беспомощных. Поэтому сербы молчали на допросах.

Всех их отпустили на третий день, предупредив, что вновь придут с обыском. Йован подумал тогда, не сказать ли им, чтобы обыскали и албанские деревни, ведь каждый албанец был вооружен до зубов, но промолчал, так как знал, что никто его не послушает.

Знал, что натовцам и так известно, что каждый албанец, лишь только родится, как сразу получает в подарок ружье или пистолет, и это оружие рано или поздно начнет проливать сербскую кровь.

Йован вернулся домой, к нормальной жизни, если так можно назвать жизнь в деревне, огражденной колючей проволокой, без какой-либо возможности свободного передвижения. Кто выходил из деревни, делал это на свой страх и риск, ибо смерть поджидала его за каждым придорожным кустом.

Так протекали косовские дни... и Иоганновы ночи.

***

Жена подбежала к трактору, на котором сидел Йован, и поцеловала его. Он же нагнулся к ней, чтоб обнять и поцеловать ее еще раз. Завел трактор и отправился в

поле. Обернулся к жене и нежно ей махнул рукой, как будто видит в последний раз.

Джони, маленькая черная такса, бежала впереди. Йован проехал возле сельскохозяйственного кооператива, махнув рукой группе солдат. Они весело ответили ему. Это были гурки, непальские солдаты, входившие в британский военный контингент. Они настолько подружились с местным населением, что даже часто невооруженными посещали ближайшее кафе.

Йован вспоминает, как это было в первые дни их пребывания в деревне. Рассказы, которых они наслушались о сербах, были такими устрашающими, что солдаты днем и ночью постоянно ходили с полным вооружением, боясь нападения.

Когда же они поняли, как обстоят дела на самом деле, то не только перестали опасаться сербов, но даже крепко подружились с некоторыми местными жителями. Часто бывали гостями на сельских праздниках в сербских селениях.

В деревне остались в основном старики, Йован был самым молодым, не считая детей. Кроме его сына, в деревне жило еще несколько детей, в основном, сирот, у которых родители были убиты, а сами они остались с бабушками и дедушками. Идти им было просто некуда!

– Замолчали наши деревни и люльки! – грустно подумал Йован, проезжая необработанные поля и луга. Неоглядные пространства плодородной косовской земли были заброшены, и некому их было теперь обрабатывать. Население бежало от страха перед албанцами, остались

только те, кому идти было некуда или те, кто категорически не хотел оставить свой древний семейный очаг.

Многие из тех, кто не хотел оставить родовое имение, поплатились за это головой. Они были убиты на пороге своего собственного дома или в своем поле. Убиты только потому, что они – сербы и потому, что не хотели оставить свое родное Косово иноверным пришельцам.

Чаще всего им стреляли в спину, коварно, неожиданно, из засады... Все это Йован хорошо знал, но землю нужно было обрабатывать, если уж он решил остаться на прадедовом очаге. Как же иначе жить и чем кормить семью?

Потому и не боялся один идти работать в поле. Если уж ему суждено быть убитым – пусть так и будет! С этой мыслью он подъезжал к своему земельному участку. Подъехав, опустил плуг и начал пахать землю. Косовский чернозем давал жизнь и принимал ее. Человек был на земле или под землей.

Йован не знал сам, почему он думал об этом, пока его мысли не перебил Джони, который громко залаял. Пес рычал, глядя в направлении ближней рощи. Йован понял, что где-то поблизости находятся незнакомые люди и, соскочив с трактора, побежал в обратном направлении.

Пока он бежал, увидел, как несколько вооруженных человек выходят из близлежащей рощи. К его удивлению они бежали не к нему. Лишь когда метрах в десяти перед собой он увидел еще одну группу людей, целившихся в него, он понял, в чем было дело. Раздался выстрел.

Йован испуганно остановился, подняв руки, думая, что стреляют в него. Джони перестал лаять, слышно было только, как он тихо скулит в предсмертной агонии. Один из вооруженных людей, из другой группы, подошел к Йовану и молча ударил его прикладом в лицо. Йован упал на колени, а нападающий еще раз ударил его, теперь уже в голову,

Он ощутил страшную боль и ощутил кровь, которая потекла по лицу. Хотел вскрикнуть, но не было воздуха. Попробовал снова – и опять без результата. Только в третий раз страшно закричал и вскочил...

Глава 7

Йован не знал точно, когда пришел в себя. Первое, что услышал, был знакомый голос его приятеля лесника:

– Как себя чувствуешь, Йован?

– Ничего, Милан, только очень голова болит, – рукой он попробовал пощупать голову. Свернувшаяся кровь, которую он ощутил под пальцами, говорила о том, что он достаточно долго был без сознания.

– Где мы находимся? – спросил он, рассматривая мрачное помещение.

– Не знаю, скорей всего, в каком-то подвале. Меня шиптеры поймали несколько дней назад, тебя же принесли вчера без сознания. Поймали меня как раз в окрестностях твоей деревни, сунули в какой-то микроавтобус и привезли сюда. Ехали мы минут пятнадцать, поэтому я думаю, что находимся где-то в районе Дреницы.

Йован заметил, что и Милан также связан. Его глаза уже привыкли к темноте. В дальнем углу помещения он увидел еще одного человека, сидящего на полу.

– Кто он? – спросил Йован, повернув голову в сторону неизвестного.

– Это Азем. Он когда-то был директором сельскохозяйственного кооператива.

– Ну и почему же его похитили, он же ихний – албанец?

– Точно – албанец, но он их не поддерживает, он против республики Косово. А если кто с шиптерами не согласен, то не имеет никакого значения, чей он. Схватили его, как пример другим албанцам, чтоб знали, что ждет каждого, кто против выхода Косова из состава Сербии.

В тот момент они услышали голоса людей, приближающихся к подвалу, которые говорили по-албански. Двери открылись, и несколько человек вбросило в подвал тело какого-то маленького человека. Он был без сознания. У него, как и у них, руки были крепко связаны. Йован и Милан узнали его, то был Милован из соседней деревни.

Прошло еще несколько часов в неприятном молчании и ожидании дальнейшего развития событий. Каждый из них боялся будущего и был обременен собственными тяжелыми мыслями. Пленные сербы знали – ничего хорошего их не ждет. Единственное, чему они радовались, что пока все еще живы. Они слабо надеялись, что, возможно, кто-то их выкупит. Через некоторое время Милован пришел в себя.

– Господи Боже мой, где это я? – сквозь слезы спросил он, когда узнал Милана и Йована.

– Не хныкай тут, как какая-то баба, – повышенным тоном обратился к нему лесничий, который отлично знал всех в деревне, так что с давних времен знал и то, какой Милован трус, и то, что его нужно остановить, потому что, если не сделать этого, стенания будут все громче, – лучше скажи, где тебя похитили!

– Я отправился в город за покупками. Только прошел патруль КФОРа, как подъехала какая-то машина,

приостановилась, из нее выскочили трое и попытались меня схватить. Я побежал, но они все-таки меня догнали и втолкнули в машину. Положили мне на лицо какую-то мокрую тряпку, и я потерял сознание. И вот, здесь, несчастный, очнулся. Что будут делать мои дети без меня, моя бедная жена?...

– Сейчас же прекрати, только нам еще не хватало твоих жалоб! Мы не знаем, что произойдет. Может быть, нас и отпустят, мы никому ничего плохого не сделали…

– Забудьте об этом, – Азем заговорил в первый раз и по-сербски, – я лично видел, когда приходил сын Идриза. Раз он позволил, чтоб я его увидел и узнал, ждать добра не приходится. Ни для меня, ни для вас.

Эти слова еще больше перепугали узников. Милан хорошо знал, кто такой Исо, сын Идриза из Дреницы. Знал, что он объявлен в розыск сербскими властями еще с 1990 года. Давно уже он был членом УЧК и участвовал в десятках террористических актов против полиции и гражданских лиц, даже публично хвастался иностранным журналистам в том, как убивал людей только потому, что они сербы.

Хотя доказательств не было, но все знали, что это он взорвал три пассажирских автобуса. Особенно свирепо он поступал с албанцами, лояльными к Югославии. Прозвище, которое ему дали сами албанцы – Гадюка, – точно указывало, с каким человеком пленники имеют дело.

Эта новость так перепугала Милана, что он обомлел. Он ничего больше не хотел говорить, даже просто чтобы

не вызвать панику. И без этого их лица были бледны и перекошены от страха. Объятые самыми страшными мыслями о своем неизвестном будущем, они прожили в том подвале еще два дня.

Думали о своих семьях, переживали и беспокоились о них, ведь никто из родных ничего не знал, не знал, случилось ли с ними что-то ужасное или нет. Каждое утро двери подвала открывались, входил один из террористов и приносил им бутылку воды и хлеб. Кормили и поили один другого, потому что руки у всех были связаны, так что самостоятельно есть они не могли. Туалет они сделали в одном из углов подвала. Ужасная вонь царила в помещении, но постепенно они научились не обращать на это внимания.

Свежий воздух пленники ощутили только несколько дней спустя, когда их ночью вывели из подвала и повели в неизвестном направлении. Куда их ведут, определить похищенные сербы не могли, потому что им всем завязали глаза. Рты им заклеили скотчем, чтобы они не могли разговаривать.

Когда их втолкнули в какой-то микроавтобус, пленники поняли, что дорога будет длинная. Они боялись, но все-таки немного надеялись на то, что, может быть, их не убьют, раз еще до сих пор не убили. Они и представить себе не могли, как хороша смерть по сравнению с тем, что их ждет впереди.

***

Повязку с глаз и скотч со рта сняли им после нескольких часов езды, но руки и ноги по-прежнему были связаны. Они обратили внимание, что находятся в каком-то

автобусе, едут через неизвестные им места и что с ними в машине находятся несколько неизвестных им людей.

Разговаривая с ними, пленники поняли, что это тоже сербы, также похищенные несколько дней назад, но только в других косовских краях. Азем всем рассказал, что они находились в деревне Ликовац недалеко от Сербицы, в районе Дреницы, что он знает и дорогу, по которой они сейчас едут, потому что раньше он и сам ездил в этом направлении.

Все очень удивились, когда Азем сказал, что они находятся в Албании. Но очень быстро они убедились в этом, когда увидели в окно табличку, на которой по-албански было написано «Кудеши». Азем им сообщил, что они проезжают область Тропоя, район Кудеш.

Спустя некоторое время автобус остановился на периферии города, и всех, кроме Йована и Азема, вывели из машины. Люди обеспокоенно переглянулись, когда поняли, что оставшиеся двое будут переброшены в какое-то другое место. Но почему только их – никому не было понятно.

Может быть, потому, что они были младше и сильнее остальных? Йован подумал что, может быть, их везут куда-то на принудительные работы, туда, где нужна крепкая рабочая сила. Азем все время молчал.

Через несколько часов он сказал, что они глубоко в Албании и что проехали город Бурель, который находится километрах в девяноста от Тираны. Когда подъехали к указателю, на котором было написано Рибе, автобус свернул в ту сторону. Остановились в окрестностях

деревни перед каким-то двухэтажным домом, окрашенным в желтый цвет.

Их вывели из автобуса и погнали к дому. Йован заметил, что из-за дома идет заросшая дорога. Неподалеку была видна огромная куча мусора, которая, очевидно, постоянно пополнялась. Рафик подъехал к дому со стороны, на которой было по два окна на каждом этаже, бетонные ступеньки вели на балкон второго этажа, откуда можно было войти в жилые помещения.

Их повели к нижнему входу в дом, они вошли в маленькую комнату, с левой стороны от входа. Комната была чистая и аккуратная, чем-то неуловимо походила на больничную палату. Пол в комнате был деревянный. Внутри стояло две кровати, а окно располагалось со стороны входа в дом.

Им развязали руки, так что они в первый раз после нескольких дней смогли немного размяться. Через час в комнату вошел человек, который им принес еду, сок и воду. Их привел в замешательство столь неожиданный гуманный жест, тем более что еда была отличная.

Пришедший к ним человек сказал, чтоб они отдохнули и чтоб не боялись, объяснил, что чуть попозже их осмотрит врач. Йовану и Азему было совершенно непонятно, в чем дело. Откуда вдруг такая забота о них? Это их испугало еще больше.

Йован заметил, что когда его выводили в туалет, который находился с левой стороны комнаты, через дорогу стоял вооруженный охранник в форме УЧК. Через несколько часов в комнату к пленникам вошел человек в

белом халате, который с ними поздоровался на плохом сербском языке.

Когда Азем ему ответил по-албански, доктор посмотрел на него. Складывалось ощущение, что он не ожидал увидеть здесь албанца. Он спросил Азема, как его фамилия, где и кем работал в Косово. Азем потом объяснил Йовану, что врач, который их обследовал, сам из Косово, из Печи, но ничего больше не сказал: ни почему они здесь, ни что с ними будет.

Об этом они узнали только через несколько дней. Двери подвала открылись, и три вооруженных караульных приказали Йовану выйти из помещения. Когда же он вышел, к нему подошли два человека, скорее всего врача; в одном из них Йован узнал человека, который его обследовал. Они приказали Йовану снять с себя всю одежду и лечь на передвижную больничную койку.

Привязав ему руки и ноги к этой койке, они повезли его в помещение, находившееся с другой стороны коридора. Обезумевший от страха Йован трепетал, не зная, что его ждет. Лежа так, он сумел только увидеть, что находится в маленькой импровизированной операционной. Ему сделали какой-то укол, и он быстро заснул.

Проснулся уже в «своей» комнате. Азема не было. Ощутил сильную боль, которая раздирала все тело. Что с ним случилось, он не знал, но знал, что остался жив, и это ему было важно. Потом он опять заснул.

Несколько следующих дней его аккуратно посещал тот самый врач, который заботился о его здоровье.

В комнату входили и люди, которые приносили еду и воду. Со временем боль утихла, как раз тогда его отвязали.

Он поднял длинную белую рубашку, похожую на платье, и нащупал большой шрам на теле. Как будто бы ему удалили часть тела или всадили в него какой-то аппарат, но он не мог понять, что точно с ним сделали.

То, что ему удалили почку, он никогда не узнал, потому что уже на следующий день его снова отвезли в ту же операционную, где ему удалили вторую почку. А потом ему вынули сердце.

Глава 8

Именно это сердце Иоганн и увидел во сне. Кровавые руки того врача с крючковатым носом, родом из Печи, высоко поднятые над головой, держали Йованово сердце. Иоганну казалось, что он лежит и смотрит, как под светом лампы в больничной палате, его сердце бьется в руках врача-убийцы.

Удары сердца били в его голове с такой силой, что ему казалось, что он взорвется. Ужасный крик Иоганна разбудил Гретту, которая вскочила от страха. Она увидела Иоганна –как тот сидит на кровати, уставившись в потолок. Капли пота лились по его лицу, а тело дрожало. Она обняла его, прислонила свою голову к его груди. Его сердце стучало сильно и быстро.

Иоганн знал, что должен ехать...

В Косово... а потом... дальше.

Утром, 15 октября, он приехал в Косово чартером, который спустился на Приштинский аэродром. Иоганна встретили представители немецкого военного контингента, которые его и доставили в Приштину. Несмотря на то, что он не желал никакой охраны, ему не разрешили самостоятельно передвигаться по городу.

Никто из немецкого военного начальства не желал, чтобы немецкий аристократ и миллионер пострадал здесь, где, как им было прекрасно известно,

господствовало беззаконие. Конечно, сам Иоганн пока ничего еще об этом не знал!

Он разместился в гостинице «Гранд», в Приштине, где снял номер люкс. Послушав совета своего сопровождающего, он представился ложным именем как немецкий журналист. Иоганн попросил своих сопровождающих, чтоб они были, по возможности, незаметными и ходили в гражданском, ему это было разрешено, но только с условием, что с ним вместе будет находиться немецкий сержант-миротворец в мундире.

Позднее, в тот вечер, вместе с сержантом, он прогулялся по улице Матери Терезы, в которой была расположена гостиница. Ему посоветовали не заходить в переулки, чтобы им было легче охранять его. По началу Иоганн не понимал, к чему такой страх и беспокойство о его безопасности?

Сотни кафе, магазинов и множество веселых молодых людей – первое, что он увидел во время прогулки по городу. Однако из разговора с сержантом он узнал, что на самом деле творится в Косово. То, что Иоганн услышал от него, невероятно отличалось от того, что писали европейские газеты.

На его просьбу прогуляться по сербскому кварталу, сержант улыбнулся. Затем отвел его к одному из жилых домов, огражденных колючей проволокой, протянул руку в его сторону и сказал, что в этом доме живут все сербы в Приштине. Все сто. Так он сказал...

Перед домом дежурил патруль КФОРа, а перед входом стояли два дежурных. На окна квартир были натянуты

тяжелые занавески, которые защищали жильцов от посторонних взглядов и возможного нападения.

– Неужели вы мне скажете, что этих людей охраняете как пленных, или заключенных... в чем тут дело?

– Нет, господин барон, эти люди не пленные. Они просто не хотели уехать из Приштины, из своих квартир. Мы теперь должны их охранять.

– Бога ради, от кого? – удивленно спросил Иоганн.

– От всех: от их соседей, от прохожих... Каждый их выход из дома – риск! Дети едут в школу в сопровождении наших солдат, эти люди не работают, потому что работы нет, живут только за счет гуманитарной помощи. Им просто некуда идти, иначе бы они давно уехали отсюда.

– Тогда зачем же вы находитесь здесь? Вы ведь поддерживаете здесь порядок и закон?

– Господин барон, если вы останетесь здесь долго, у вас будет возможность познакомиться с ситуацией на месте и многое станет вам ясно. Просто дела обстоят именно так, и нужно много времени, чтобы что-то изменилось.

Много людей здесь было убито только потому, что они говорили по-сербски. Даже один болгарский переводчик убит, потому что какому-то албанцу показалось, что он говорит по-сербски. Это было сделано явно, на глазах у прохожих, в центре Приштины.

Здесь идет охота на сербов. Некоторых мы все-таки успели спасти от смерти, но это слишком мало для них. Их деревни, как тюрьмы под открытым небом. Сербы

никуда не выходят без нашего сопровождения. Но и тогда они не вполне в безопасности.

– Кто же тогда здесь вершит закон?

– Здесь нет закона, здесь нет документов, нет налогов, нет ничего... Промышленности не существует, все сводится к контрабанде, торговле, бензоколонкам и кафе. У албанцев всегда существовали параллельные органы власти, которые систематически работали лишь над одной целью – сепаратизмом.

Сейчас, когда им удалось это реализовать, прежняя система перестала существовать, потому что она никого не устраивает! В Приштину, по некоторым нашим данным, переселилось более трехсот тысяч людей, в основном, из Албании. Они ищут лучшую жизнь. Просто приехали, поселились в дома и квартиры, которые сербы оставили, спасая жизнь.

Им все было позволено, потому что они были нужны для осуществления цели – создания Республики Косово. Несмотря на то, что вам кажется, будто здесь существуют органы власти, знайте, реально они в руках бывших бойцов ОВК, а не у Руговы и косовских чиновников. Здесь, к сожалению, владеет закон силы.

– Хорошо, спасибо вам за информацию, которую вы мне дали. Скажите, сможем ли мы завтра поехать в место, которое называется Грачаница? Вы знаете, где оно находится?

– Как же, это неподалеку отсюда! Когда вы хотите выехать?

– Где-то после завтрака. Хочу немного отдохнуть с дороги и подумать обо всем. Я не уверен, что ищу именно это место. Завтра увидим!

Сержант проводил барона в гостиницу, и Иоганн ушел в свою комнату. Погружаясь в сон, он снова услышал тихий звук церковного колокола, звук, которым всегда начинались его сны. Этот звук вызвал у Иоганна желание помолиться, попросить у Бога правильного понимания происходящего и Его помощи в задуманном им. Иоганн встал на колени у кровати и обратил свой взгляд к видневшемуся за окном православному Кресту, венчавшему купол церкви. Его сердце словно само начало тихий разговор с Творцом. Иоганн заснул с улыбкой на лице.

Утром, сразу после завтрака, в дверях гостиницы появился сержант. Они сели в машину, принадлежащую КФОРу, и отправились в дорогу. Вдоль дороги, по которой они ехали, Иоганн увидел прекрасные дома, похожие на те, какие строят в Германии представители богатой аристократии.

Иоганн мысленно задал себе вопрос: откуда у этих людей деньги на такое строительство? Он знал, что его предки веками приобретали имение и богатство, доставшиеся ему по наследству. Каким образом эти люди за несколько лет сумели заработать такой капитал?

Его мысли прервала совсем другая картина – низкие дома и ветхие сараи. Сержант сказал ему, что они въехали на сербскую территорию. И даже если бы он ничего не сказал Иоганну, тот смог понять это по колючей проволоке на дороге, за которой стояли солдаты КФОРа.

Несколько бронетранспортеров с колючей проволокой наверху было поставлено в качестве баррикады.

Перед ними, как и в самих транспортерах, находились вооруженные солдаты, охранявшие въезд в деревню. Иоганн услышал тот самый ласковый звук церковного колокола. Он попросил сержанта ехать в направлении этого звука, и тот приказал шоферу ехать к монастырю. Перед их глазами через несколько минут появилась старинная каменная стена, наверху которой тоже была поставлена колючая проволока.

Перед стеной, по всей ее длине, были поставлены бетонные военные заграждения, которые защищали стены, вероятнее всего, от ударов машин. Когда они вышли из транспортера, то отправились к воротам, которые располагались в середине стены. Перед воротами была построена будка, в которой также дежурил вооруженный солдат.

– Зачем столько охраны, мы же идем в церковь?- удивленно спросил Иоганн.

– Да, господин барон, это церковь XIII века, и поэтому мы охраняем ее!

– Но для чего? Ведь древние церкви охраняет управление по реставрации, а не армия?

– К сожалению, очевидно, у вас нет информации о том, что больше сотни церквей и других археологических объектов уже уничтожили албанцы. Они рушили все христианское и все сербское – все, что может доказать, что сербы здесь жили издревле, потому что они хотят отнять у них историческое право на Косово.

Некоторые объекты были уничтожены уже в то время, когда мы, натовские группы, взяли на себя управление Косово. Теперь мы боимся, чтоб не уничтожили и этот монастырь, ведь он тоже часть мирового культурного наследия. Поэтому я вам и сказал, какого он века!

В этот момент они вошли через ворота внутрь церковного двора, и Иоганн обомлел.

– Боже, каким же нравственным калнкой должен быть человек, который способен уничтожить такую красоту? – спросил он вслух, заглядевшись на прекрасную картину, развернувшуюся перед его глазами.

Метрах в пятидесяти от ворот возвышалась прекрасная церковь. Камнем выложенная дорога, метров около десяти шириной, была вспрыснута каплями дождя, только начавшего падать. В мокрой дороге отражалось очертание прекрасного здания, так что Иоганн подумал, что одна церковь – на земле, а другая – на небе.

Невозможно было не увидеть все совершенство древнего здания! С левой и с правой стороны дороги большие кроны деревьев, стоящих на ковре из трав, как будто бы обнимали церковь, но ни на мгновение не смели спрятать ее красоту, даже наоборот, еще больше подчеркивали ее великолепие.

Иоганн подумал, что такого соединения природы и творчества человека он еще никогда и нигде не видел, несмотря на то, что объехал целый свет. Гармонию, которую Иоганн видел перед собой, дополнило возникшее вдруг трепетное сердцебиение, которое каким-то блаженством наполнило его чувства и тело. Он почувствовал

себя причастным этой красоте, этому Божественному Духу, разлитому здесь. Никогда прежде в католических или лютеранских храмах Иоганн не ощущал ничего подобного.

Он стоял перед Вечностью, наполненный восхищением и ощущением того, что здесь он и должен был быть. Неосознанно его взгляд остановился за стеной монастыря, где когда-то был конак, на рощице у леса, который рос за монастырскими стенами. Сердце его сильнее забилось.

– Хотите войти внутрь? – спросил сержант, глядя, как Иоганн восхищенно стоит перед церковью.

– Нет, в другое время, – сказал Иоганн, что немного сконфузило сержанта, а он, Иоганн, показав пальцем в сторону близлежащей рощи, спросил:

– Можете ли вы отвезти меня туда?

– Конечно, барон, – сержант позвал одного патрульного и после короткого разговора снова обратился к Иоганну:

– Это место уже вне монастырской территории, там находится всего один крестьянский дом, и, как мне объяснил солдат, в нем живут два старика и женщина с ребенком. Также он сказал мне, что они живут в окружении албанцев-новоселов, которые над ними постоянно издеваются, но они не хотят уезжать, потому что из этого дома похищен один серб и пока...

– Знаю, знаю, – к великому удивлению сержанта, ответил Иоганн, – и, к сожалению, знаю, что произошло с

ним. Или, Господи прости, к моему большому счастью! – уже про себя подумал он.

Сержант удивленно посмотрел на Иоганна, но ничего не спросил. Его не интересовало, почему барон приехал сюда, он только выполнял приказ начальства всегда быть рядом с бароном и выполнять его желания беспрекословно, но что-то в поведении Иоганна не давало ему покоя.

Выйдя из монастыря, они направились к местности, где распологался вышеупомянутый крестьянский дом. Они проходили мимо запущеных, разрушеных и сожжёных сербских домов и албанских новых построек. Наконец подошли к тому самому дому из Иоганновых снов.

Всё выглядело точно как во сне, кроме колючей проволоки, которой было в реальности огорожено всё подворье, и поста КФОР'а, расположившегося на входе. Сильное внезапное серцебиение заставило Иоганна дышать быстрее и глубже.

Он вдруг увидел того самого мальчика, который ему снился, правда в реальности он был чуть-чуть постарше, тот смотрел через колючую проволоку.

Отойдя от патрульного, Иоганн подошёл к забору и всмотрелся в малыша. Ребёнок вдруг подбежал, протянул руки, обнял Иоганна и сказал:

- Папа, папа...

Сильная боль пронзила Иоганново тело. Давление, которое он ощутил в груди, было таким мощным, что Иоганн подумал, что все операционные швы сейчас полопаются, а его сердце билось всё быстрей и сильней.

Слёзы потекли по его лицу, когда он погладил обнявшего его мальчика по голове.

Такую родственную близкость он ещё никогда и ни с кем не ощущал. Какая-то чудестная сила соединила их в тот миг вместе – Иоганна и мальчика. Заграждения из колючей проволоки, которое разделяло их, как-будто больше не существовало, его как-будто бы здесь и не могло быть вовсе.

Молодая женщина – та самая, из его снов! – вдруг появилась в дверях летней кухни и, увидев, как мальчок держит за руки незнакомого мужчину, подбежала к ним:

- Милан, сынок, что ты делаешь? - вскрикнула она и, схватив ребёнка зы руку, потянула его в дом...

- Мама, мама, папа пришёл! - проговорил Милан, другой рукой продолжая крепко держать Иоганна за пояс, и не желая оторваться от него.

- Сыночек мой, - заплакала женщина, пытаясь увести ребёнка - это не твой отец! Извините, пожалуйста, господин, у нас нет никаких вестей о моём пропавшем муже, Йоване, отце Милана, уже почти два года. Нам его очень не хватает, поймите мальчика. Наверное, Вы чем-то напомнили ему отца!

- Золотко моё, иди сюда! - с этими словами она сильнее потянула мальчика за руку, - иди в дом. Извините ещё раз, - сказала женщина, снова взглянув на Иоганна.

В какое-то мгновение ей показалось, что в глазах незнакомца блеснули слёзы, она и сама вздрогнула, так как ей отчего-то показалось, что это её Йован стоит на месте этого незнакомца. Но, она точно знала, что этого

человека видит впервые, хотя, снова, только лишь на мгновение, она ощутила нежность своего пропавшего мужа в глазах этого незнакомца.

Иоганн ещё немного постоял, держась руками за колючую проволоку. Он не сразу ощутил, что железная колючка уколола его и что из пораненной ладони идёт кровь. Вытащив платок, он завязал место укола, чтоб остановить кровотечение. От караульного солдата он узнал, что жильцы выходят из этого дома только в сопровождении солдат КФОР'а, потому что албанцы нападали на них уже несколько раз, и что, кроме него, ещё два солдата охраняют эту усадьбу.

Дополнительная охрана появилась после грабежа, случившегося в прошлом году. То было время, когда большинство сербов уезжало из Косова из-за пореступной анархии, воцарившейся здесь. Когда, после ухода сербской армии и полиции, вся власть на Косово перешла к КФОР'у, албанцы начали массовые грабежи сербских домов, квартир и угодий, которые фактически никто не пресекал.

Поскольку даже частые убийства сербов, случавшиеся прямо на глазах у солдат, стали тогда нормой, то на кражи и мародёрство никто из властей не обращал уже внимания.

Несмотря на то, что двор был огорожен забором с воротами и что во дворе находились две собаки, ночью какие-то грабители разрушили заднюю стену хлева, выходившую на улицу, загрузили весь крупный рогатый скот,

который здесь нашли в грузовой автомобиль и увезли в неизвестном направлении.

Но это была не только кража – это была скорее откровенная угроза живущим в этом доме сербам. большинство крестьян, после таких же инцендентов и постоянной опасности, уехали из деревни, так что это был теперь единственный дом в котором остались жить сербы. И то, под круглосуточной охраной КФОР'а.

Пока Иоганн разговаривал с охраной, он приметил, что на него внимательно смотрит старуха, которую он тоже прежде видел во сне. Маленькая и хрупкая, стояла она на середине двора и, подбоченившись, смотрела Иоганну прямо в глаза.

Она была вся в чёрном, и эта чернота ещё больше уменьшала её. Даже её лицо, обрамлённое чёрным платком, казалось тоже чёрным. Но, глаза у неё блестели, выдавая сильное волнение, как будто она узнала кого-то в Иоганне. Рукой она позвала его. Иоганн отошёл от охранника и подошёл к старухе.

Грубой, шероховатой ладонью она погладила Иоганна по щеке, но ему показалось, что это Ангел прикоснулся к нему. Его сердце сильно забилось в момент, когда её ладонь прикоснулась к его лицу. В глазах старой женщины стояли слёзы, пока она что-то говорила Иоганну на непонятном ему сербском языке:

- Прости глупой старухе, но меня что-то тянет к тебе. Прости... - захлебнувшись в слезах, она опустила взгляд, и закрыла лицо руками. Иоганн прижал её к своей груди,

и стал гладить по голове. Не в силах сдержаться, он тоже заплакал.

Старик, который сидел под ореховым деревом и курил, не веря своим глазам, смотрел на происходящее. Он спрашивал себя, что это за незнакомец, который внезапно появился у них во дворе. «Моя жена плачет у него на груди, внук обнимает, держит за руку и не хочет отойти от него. Господи, что творится?»- думал старик, вдыхая табачный дым.

Старик встал и направился к незнакомцу, чтобы пригласить его выпить ракию. Охранник перевёл Иоганну, что хозяин зовёт его в дом на рюмку ракии, что здесь такой обычай и что его нужно уважить. Иоганн поблагодарил за приглашение и пошёл вместе с хозяином чтобы сесть за стол под ореховым деревом.

Старик показал стул, на который предложил гостю сесть, а сам пошёл за рюмкой, чтобы налить гостю ракию. Когда он вернулся из дома и взгляд его упал на Иоганна, внезапно из рук старика выпало всё, что он нёс, а сам он без чувств свалился на землю. Все подбежали к нему, чтоб его приподнять, а невестка бросилась в дом за водой.

Постепенно старик пришёл в себя. Он лежал на земле с головой, опущеной на колени старухи, руками держась за внука и невестку, которые стояли на коленях с двух сторон. Охранник и Иоганн озабочено следили за происходящим. Старик что-то скажал и все посмотрели на Иоганна. Он обернулся к охраннику, который ему перевёл слова старика:

- Старик говорит, что потерял сознание, когда увидел как Вы сидите за столом с поднятой правой ногой на перегородку стула, рукой, охватившей колено, и головой, положеной на него.

- Прошу Вас, переведите ему, что я извиняюсь за свою некультурную позу. Я это сделал машинально.

- Нет, речь не идёт о некультурной позе, господин барон, а только о том, как Вы сидели. Именно так сидел всегда его пропавший сын, на том же самом стуле. Когда он подошёл к столу и увидел, как Вы сидите, старик подумал, что увидел своего исчезнувшего сына, и потерял сознание.

Иоганн понял, в чём дело, но не мог и не хотел говорить об этом. Он не знал, что они тоже что-то поняли, или стали догадываться, но не хотели верить в это. Когда Иоганн собрался вернуться в Приштину, все домочадцы вышли проводить его. Долго они махали ему вслед. Иоганн ещё не знал, что видит их всех вместе в первый и последний раз.

Через несколько дней после его визита сержант сказал ему, что неизвестные похитили старика и старуху по дороге на рынок. Их изуродованные, брошенные в канал, тела обнаружили случайные прохожие в тот же самый вечер. Иоганн решил присутствовать на похоронах, которые должны были состояться через два дня. На похороны пришло много сербов из окрестных мест.

После церковного отпевания процесия направилась к кладбищу. Войдя на его территорию, Иоганн не мог поверить своим глазам; поломанные мраморные плиты

памятников были разбросаны по всему кладбищу. Было видно, что их ломали ударами топора, лома или какого-то другого предмета так, чтобы поправить их было уже невозможно.

Когда Иоганн спросил, что здесь случилось, один старик ему обьяснил, что это ещё один намёк сербам не возвращаться в Косово, потому что здесь их присутствие нежелательно. Рассказал, что в некоторых деревнях сербские кладбища были вообще перепаханы тракторами, а кости покойников разбросаны по близлежащим полям.

Плачь и стоны раздавались на сербских кладбищах и разносились по всему Косово, как мольба Господу о помощи, как крик людей, которых убивают дважды.

- В чем же мёртвые виноваты? - подумал Иоганн, глядя на раскопанные могилы. На другом краю кладбища, метрах в 100 от похоронной процессии, молодой албанец пас своих коров. Увидев, что Иоганн смотрит на него, и, очевидно подумав, что он тоже серб, молодой албанец поднял два пальца, в виде буквы «V», как знак победы.

Глава 9

Иоган с сопровождающими долго ехали на джипе по плохим неровным дорогам Северной Албании. Целью была деревня Рибе, чьё название Иоганн видел во сне на указателе. Албанские власти были об их приезде заранее предупреждены, им было дано обьяснение, что речь идёт об экологической миссии одного немецкого общества, которое хотело бы вложить большие деньги в некий природоохранный проект.

В распоряжении Иоганна находился переводчик с албанского и немецкого языка, как помощь властей для реализации проекта. Иоганн обьяснил переводчику, что организаторы проекта хотят обойти как можно больше деревень в Албании, чтобы лучше узнать конфигурацию площадей и что решили свой проект начать с деревни Рибе, поэтому албанцы обеспечили им размещение в одноимённой гостинице недалеко от того места.

Утром, после хорошего отдыха, путники отправились к самой деревне. Иоганн обьяснил переводчику, что хочет обойти дома на краю деревни и посмотреть, где природа осталась нетронутой. После обхода одной части деревни, они направились в другую её часть. И вот, перед глазами Иоганна появился дом, чей фасад был окрашен в жёлтый цвет.

Сердце у него внезапно сильно забилось и какой-то животный страх охватил его, с каждым шагом становясь всё сильнее и сильнее. Пока они поднимались к дому, Иоганн заметил, что за домом находятся хлев и вспомогательные постройки.

С левой стороны от входа, с его южной стороны находилась большая куча мусора высотой метра в три. Любезные хозяива встретили их с радостью, узнав, что в экономическое развитие их края кто-то будет вкладывать деньги и появится работа для местных жителей. Пригласили их войти в дом, в котором было два входа.

Вошли с северной стороны и очутились на кухне. Первое, что заметил Иоганн, был бетонный пол, окрашеный в чёрный цвет. С правой стороны находился диван, на который они и сели. Иоганн рассмотрел помещение и увидел камин, стол, на котором стоял телевизор, и ещё один диван с другой стороны кухни. Он был уверен в себе и уже не ощущал никакого страха, что-то говорило ему о том, что его донор не бывал в этом помещении.

После долгого разговора, Иоганн попросил хозяина, старика лет семидесяти чтоб кто-то из членов его семьи сопровождал его во время прогулки по окрестностям пока он будет фотографировать природу. Он взял камеру из машины и незаметно её включил, повернув обьектив к земле. Он стоял около кучи мусора, которую незаметно снимал, посматривая в сторону крутого холма вдалеке.

Рукой незаметно он поворачивал обьектив во всех направлениях, стараясь хорошо заснять весь мусор, который находился на свалке, не смотря в видоискатель

камеры. Свалка ему казалась интересной, потому что там он заметил выброшенные пустые одноразовые шприцы. Он упорно смотря в другом направлении, обошёл вокруг всей кучи, снимая её со всех возможных ракурсов.

Потом они свернули к дороге, ведущей к ближайшему холму, на котором старик пас овец. Во время этой долгой прогулки, продолжавшейся четыре часа, Иоганн заметил и два деревенских кладбища. Когда они вернулись назад, хозяева их пригласили на обед. Они согласились, потому что очень устали от долгой ходьбы. Младший член семьи говорил по-немецки и обьяснил Иоганну, что немного работал в Германии.

После обеда Иоганн попросил хозяина показать ему дом, так как будто бы хотел поближе узнать деревенский уклад и условия жизни простых албанцев. Когда они входили в дом с южной стороны, у Иоганна застучало сердце. Он вошёл через те самые двери, через которые некогда вошёл сюда и Йован.

В комнате с левой стороны от входа, где тот был заключён, сейчас находилась только швейная машина. Когда же Иоганн вошёл в комнату с правой стороны, ему стало плохо, он чуть не упал в обморок. Он вновь явственно увидел того врача с горбатым носом, держащего сердце в окровавленных руках, поднятых над головой. Сердце ещё билось. Это было последнее, что Иоганн увидел.

Кто-то из домочадцев подбежал к Иоганну, принёс стакан воды и кусочек сахара. Он вышел из комнаты, облокотился на стену дома, быстро дыша. Извиняясь перед

хозяевами, он обьяснил, что не привык к такому чистому воздуху и что ещё не отдохнул с дороги. Они продолжили разговор о будущем проекте, сидя за столом на кухне.

Пока они разговаривал о реализации проекта со стариком, Иоганн в какой-то момент словно что-то вспомнил, повернулся к молодому человеку, сидящему с правой стороны от него, и спросил:

- Прошу Вас, знаете ли Вы самую короткую дорогу отсюда до Италии...?

- Мы летели самолётом... - молодой человек вдруг перестал отвечать на Иоганнов вопрос после того, как старик прострелил его взглядом. Было видно, что одно упоминание Италии раздражает его.

- Думаю, какой здесь самый дешёвый транспорт? Я предполагаю вывозить отсюда неэкологичные отходы в Италию? - продолжил Иоганн, делая вид, что не услышал начало ответа. - Транспортные расходы – важная составная часть в калькуляции проекта и поэтому меня интересует каким видом транспорта здесь выгоднее всего пользоваться?

- Мы об этом ничего не знаем, господин, мы мало путешествуем. Спросите кого-нибудь другого в городе, - отводя глаза, ответил молодой человек.

- Во всяком случае, спасибо, - сказал Иоганн, обращаясь к парню, потом повернул голову к старику и поблагодарил его за гостеприимство. Когда переводчик передал слова благодарности, Иоганн встал из-за стола и протянул руку старику, чтоб попрощаться.

Теперь Иоганн был абсолютно уверен, что должен добраться до списков пассажиров в Италию из ближайшего аэропорта и, если в списках найдёт имя и фамилию когонибудь из членов этой семьи, значит его сны – страшная действительность. В немецком посольстве ему пообещали, что попытаются найти эти списки, правда, через частные каналы, и отправили Иоганна к способному помочь человеку.

Три дня спустя у него в руках уже был список всех пассажиров летевших из этого аэропорта в Италию за последних два года. К счастью, мало людей из этих краёв вообще летало в Италию, и список был небольшим, но всё равно стоящим тех денег, которые Иоганн заплатил за него. Иоганн быстро нашёл в нём то, что искал – тот самый молодой человек из того дома, в котором был Иоганн, летал в Италию несколько раз.

Этого было достаточно для того, чтобы Иоганн нанял того профессионального детектива, который ему принёс список пассажиров и который теперь должен был отыскать для него любую информацию о контрабандном перевозе людей из Албании в Италию.

Несколько дней спустя Иоганн уже с изумлением читал доклад этого детектива, который получил прямо в своей албанской гостиннице. Из доклада следовало, что уже более 12000 детей было продано в Европу из Албании. Причём, в основном, детей продавали собственные родители! С этого началось котрабандное сообщение между Албанией и Италией.

Когда же каналы контрабанды заработали отлаженно, началась торговля детскими органами. Итальянские скоростные катера, каждый по 12 метров длиной и стоимостью в миллион евро, преодолевали Адриатическое море за два часа.

Полицейские крейсеры плыли в два раза медленнее, так что не могли угнаться за ними. Дети, а потом и человеческие органы перевозились без каких бы то ни было особых проблем из Албании в Италию. Война, которая началась в бывшей Югославии, весьма способствовала этому криминальному бизнесу, так что катера контрабандистов, которые ранее перевозили исключительно сигареты, теперь начали транспортировку и человеческих органов.

Чем сильнее бушевала война, тем чаще корабли пересекали Адриатику с контейнерами, в которых находились органы изъятые у пленных или только что убитых в боевых действиях людей. Война в Косово и бомбардировка Югославии только способствовали этой страшной торговле. В то время в Италии было открыто много мобильных хирургических клиник, которые постоянно меняли своё место нахождения. Некоторые из них распологались прямо на частных кораблях.

Со временем, Косово стало главной криминальной зоной торговли человеческими органами в Европе. Одной из главных транспортных дорог для преступников было «дреническое направление», проходившее через населённые пункты Призрен, Клину и Исток. Албанцы из тех мест сотрудничали с кланом Бериша – самым

авторитетным преступным кланом из Албании, который контролировал и часть территории в Метохии.

У Иоганна взволнованно взыграло сердце, когда он прочитал «дреническое направление», поскольку он знал, что Йован сидел в подпольной тюрьме, которая находилась в деревне Ликовац в районе Сербицы, как раз в области Дреница. Он решил, что его расследование в Албании закончено. Его ждала Дреница!

***

«Дреница, Косово» - эти названия Иоганн поискал в интернете, чтобы лучше узнать место, в которое собирался ехать. Данные, которые он нашёл, показались ему очень интересными. Дреница впервые упоминается в исторических источниках ещё в 1413 году, когда Джордж Бранкович с матерью Марой и братьями Джурджем и Лазарем, подарил деревню Доброшевцы монастырю Святого Павла на Святой Горе Афон.

Большинство жителей региона составляют известные дренические арнауты, которые в основном являются этносом сербского происхождения. Многие из них знают о своём происхождении и порой даже помнят своё крёстное имя. В каждой дренической деревне есть развалины сербских церквей, а арнауты всегда охраняли кладбища своих предков со времён, когда ещё были православными сербами.

Топографическая номенклатура и многие этнографические названия до сих пор оставались здесь сербскими.

Кроме арнаутов живут в Дренице и арбанасы, переселившиеся сюда из Малесии и из Гаша. Выходцы из Малесии – «малисоры» были прежде католиками и только здесь поменяли веру, приняв ислам. В Лаушима есть также переселенцы из Васоевича, из Черногории; они также в своё время приняли ислам.

Из Дреницы издавно бежало много сербов, некоторые уже в начале 20-го века, а некоторые – ещё в начале 18-го или даже ещё раньше. Они бежали от арнаутского террора и насилия, не желая принять, принудительно навязываемый им ислам.

Главный населённый пункт – деревня Лауши, рядом в Сербице находится администрация всего района Дренического. В Дренице, после Первой Мировой войны долго властвовала анархия, из-за многих арнаутских разбойников, но, после гибели их вождя, Азема Бейты и его спутницы Шоте Галице в 1924 году, анархия была остановлена.

В Дренице в 1944 году убит и Шабан Полужа, который тоже воевал против сербов из религиозно-националистических соображений. Некто Адем Яшари был организатором и вождём албанской военной организации ОАК, которая с самого начала своей деятельности была криминальной и террористической, но, позднее, когда её интересы совпали с интересами ведущих западных стран, об этом все сразу «забыли».

Сербские силы безопастности в своё время ликвидировали его в его же собственном доме в Дренице вместе с 66 членами ОАК.

Когда Иоганн прочитал всё это, ему показалось, что Дреница, куда он собирался ехать, была символом албанского противостояния против сербов и их государства. Он также понял, что это противостояние всегда сопровождалось насилием, кражами и убийствами невинных людей.

Он не нашёл ни одного примера тому, чтобы албанцы противостояли сербам в открытом бою, напротив - убийства, кражи и грабежи совершались в основном ночью, а нападения – из засады. Он понял, что и теперь ничего не в сущности не изменилось, потому что в новостях, которые он смотрел по TV, было всё также много информации об убийствах сербов и масовых похищениях.

Всё это дало ему повод задуматься о том, насколько безопастно ехать в те незнакомые места, о которых все говорят, что там не совсем безопастно для туристов. Поэтому Иоганн и обратился за советом к сержанту, приставленному к нему ради безопастности.

Когда же тот услышал, куда Иоганн собирается ехать, он очень удивился и попытался обьяснить Иоганну - насколько опасно ехать в те края, что даже КФОР не смеет заезжать в некоторые районы той области.

Но барон всё-таки настаивал на своём, желая посетить деревню Ликовац. Конечно же, он ничего не сказал об истинных причинах своего путешествия, но сержант понял, что ему придётся повиноваться желанию барона и поэтому решил через свои связи обеспечить албанское сопровождение для этой авантюры - только так его начальники по службе могли быть спокойны!

Иоганн и сержант встретились в гостинице «Гранд» на следуюшее утро и отправились в здание, где раньше располагался штаб ОАК. По дороге сержант обьяснил барону, что они идут на одну неформальную встречу с бывшим албанским коллегой – разведчиком, который знает ситуацию в районе Дреницы, но ему не сообщили, для чего они обращаются к нему.

Вахтёр отправил их на третий этаж, где находилась канцелярия Рамиза, которого они искали. Встретил их человек небольшого роста, который так сердечно поздоровался с сержантом, как будто бы они давно были знакомы. Сержант потом обьяснил барону, что они видятся впервые, но что во время войны они часто разговаривали по радиосвязи, потому что албанцы информировали НАТО о положении сербских войск, которые НАТО потом бомбил.

Рамиз сказал барону, что БНД (немецкая служба разведки) во время войны активно помогала ОАК. Он также говорил о роли ОАК и их геройской борьбе и показывал военные фотографии вооруженных бойцов этой незаконной военной организации. Сержант несколько раз попытался обьяснить причину их посещения, но Рамиз постоянно перебивал его. Из соседней канцелярии несколько раз в течение их разговора были слышны крики какого-то человека.

Барон каждый раз поворачивался в сторону того голоса и, когда Рамиз это заметил, то попробовал извиниться, обьясняя, что кричит Сабит, шеф ШИК (тайной службы ОАК), которому он подчиняется.

- Ничего страшного, - сказал сержант и посмотрел в сторону барона, который к его удивлению заговорил:

- Господин Рамиз, мне очень приятно было познакомиться с Вами. Мой друг хотел увидеть Вас, но сейчас, к сожалению, нам пора, у нас очень много дел. Удивлённый взгляд сержанта показывал, что он не понимает в чём дело, но он встал вместе с бароном.

Они попрощались с Рамизом и вышли из кабинета. Сержант вопросительно посмотрел на барона, ожидая обьяснения.

- Прошу Вас, ничего у меня не спрашивайте, только послушайте меня. Я всё обьясню потом. Вернитесь к Рамизу и попросите его пойти с Вами к его шефу, чтобы поздороваться с ним и выразить ему Ваше восхищение их борьбой. Прошу Вас, сделайте это. Это очень важно. Я же подожду Вас в коридоре!

Сержант вернулся в канцелярию Рамиза и через несколько минут вернулся вместе с ним. Рамиз осторожно постучал в двери соседней канцелярии и после полученного разрешения, вошёл вместе с сержантом. Иоганн подслушивал их разговор на хорошем немецком языке, который Сабит отлично знал.

После нескольких минут они вышли. Сабит проводил их довольный тем, что немецкий офицер пришёл поздороваться с ним, оказав тем самы знак уважения. Иоганн не видел это, потому что уже вышел на улицу. Сержант нашёл его перед входом и спросил, почему он передумал ехать в Дреницу.

- Прошу Вас, пойдёмте в мой номер и там я Вам всё обьясню.

Сержант своими поступками уже заслужил большое доверие Иоганна – так, во всяком случае, он думал - поэтому и решил расказать этому человеку, о том что случилось с ним в Риме и зачем он приехал в Косово.

С широко раскрытыми глазами сержант слушал невероятную историю барона. Он не мог поверить, что сны могут выглядеть как действительность и повествовать о событиях из прошлой жизни его донора, не мог поверить в то, что Иоганну всё это действительно приснилось. Выслушав до конца рассказ барона, сержант спросил:

- Я всё понял, господин барон, вот только не понял, почему Вы отказались сегодня, так неожиданно, от поездки в Дреницу, тогда как, непосредственно перед этим Вы настаивали на поездке и говорили, что Вам необходимо сьездить в деревню Ликовац, где, как я сейчас понял, был заключён Ваш донор?

- Потому что я понял, что не смею ехать в Дреницу с этими людьми из ОАК. Вы понимаете, сегодня я убедился, что человек, который меня похитил и есть тот самый Сабит. Его подчинённые звали его «шеф», его голос я никогда не смогу забыть. Когда он говорил по-албански, я ещё сомневался, но когда он заговорил с Вами по-немецки, я убедился в этом на 100%.

Я убеждён, что именно он держал меня в том римском подвале, - возбуждённо говорил барон, лицо его было красным.

- Это тот Сабит, к которому я вошёл весте с Рамизом?

- Да, дорогой мой, это он. Это мой похититель. Это человек, которому я заплатил выкуп. Это убийца, который торгует человеческими органами. Видите, что значит судьба! Следствие по делу меня и Ганса в Риме не сдвинулось с места. Полицейские только предполагают, что кто-то, пока мы были на рецепции гостиницы, слышал, что мы снимаем самый дорогой номер и что об этом сообщили похитителям. И я здесь, в Косово, узнаю того, кто нас похитил, совсем случайно!

Сержант всё ещё не мог поверить словам барона, не мог поверить, что его похитили бойцы ОАК. Поэтому начал говорить, будто бы оправдываясь, что с Рамизом знаком плохо и что во время войны они только сотрудничали через радиосвязь.

Он сказал, что с Рамизом познакомился лично лишь во время подписания перемирия НАТО и Югославии, когда члены ОАК показались всем открыто, потому что до тех пор они тщательно скрывались. Они говорили, что сами практически не боролись против Югославии – эту грязную работу проделало за них международное сообщество.

ОАК только осматривало, разведывало, сообщало и выполняло отдельные диверсии, в которых в основном страдали гражданские лица из сербов.

- Имеют ли они военную честь, или хоть человеческую совесть? - вслух спросил сержант, а потом продолжил, отвечая самому себе. - На самом деле, у них не было армии. Албанцы – непрофесионалы, они воевали лишь как партизаны.

У нас была информация о массовной криминальной активности в Косово, но я не верил, что верхушка косовских властей всерьёз замешана в этом. Я думал, что это вид политической борьбы, когда такими обвинениями одна сторона пытается дескредитировать своих политических противников.

После того, что Вы мне сказали, я боюсь, что в их руках находится слишком много оружия. И против кого они теперь направят это оружие? Что, если вся их политическая структура впутана во все эти грязные преступные дела, если даже такой высокий военный начальник занимается криминалом?

- О политиках – не знаю, дорогой мой сержант! – ответил Иоганн, - но за Сабита я уверен. Он будет отвечать за Йованово убийство и за моё похищение. Этот человек убил много людей, сербов и албанцев, и не может не быть наказаным. Даже, если мне лично придётся заниматься этим!

- Но, барон, это же человек, который спас Вам жизнь! Если бы не он, Вы бы были уже мертвы!

Эти слова прозвучали как пощёчина. Разговор стих – эта констатация факта сержантом прервала его мысли и Иоганн замолчал. В тот вечер он долго ворочался в кровати, безуспешно пытаясь заснуть.

Глава 10

Утром он проснулся позже обычного, даже пропустил завтрак. Вернее, его разбудили звонком с рецепции гостиницы, уведомляя о визите сержанта в его номер. Приоткрыв двери, ещё не одетый Иоганн попросил, чтобы тот подождал его в ресторане. Пятнадцать минут спустя и он спустился в ресторан.

- Доброе утро, господин барон, - сержант встал, чтобы поздороваться.

- Доброе утро, господин сержант, прошу Вас, - Иоганн протянул ему руку и прошептал, - прошу Вас, не обращайтесь ко мне в общественных местах как к барону, я здесь обыкновенный журналист-репортёр, - и, смеясь, продолжил, - Вы уже завтракали?

- Ещё рано утром, вы же знаете, как у нас, военных, мы всё делаем в положенное уставом время. Почему Вы вчера вечером попросили меня прийти к Вам, господин Иоганн?- с любопытством спросил сержант.

- Потому что у меня есть ешё одна просьба к Вам, - ответил Иоганн, вытащив небольшой пакет из сумки с документами, которую носил с собой, - посмотрите этот диск, на нём снят материал во время нашего путешествия в Албанию, в том числе дом, в котором был заключён мой донор.

Больше всего меня интересуют снимки свалки. Ваша служба может увеличить их до максимума и сделать фотографии, на которых будут видны предметы необычные для деревенского хозяйства. Если найдёте что-то интересное, прошу Вас, принесите фотографии на нашу следующую встречу и, если можно, приведите военного эксперта, которому я бы задал некоторые вопросы.

Вы уже поняли, что всё, что мне снилось, правда. Может быть, я смогу помочь при расследовании дела о торговле человеческимим органами, если такое расследование когда-нибудь случится. Я знаю, что случилось со мной в Риме, знаю и с увереностью могу подтвердить дом в Дренице, где мой донор находился и жёлтый дом в Албании где преступление было совершено.

К сожалению, поездка в Дреницу больше не имеет смысла. Тем более не с людьми, которые могут меня узнать. Знаете, я много думал о Ваших словах, что может быть Сабит спас мою жизнь. Он спасал не мою жизнь, а свои пять миллионов евро, которые ожидал от меня в качестве выкупа, он просто делает деньги на человеческом несчастье. Вероятно, я бы судился с ним, если бы у меня были конкретные доказательства.

Но, что значит сейчас моя речь против его? Ведь, может быть, именно на эти криминальные деньги он и построил независимость этой страны. Что, если будущее государство, Вы ведь сами знаете, что албанцы готовятся провозгласить свою независимую Республику Косово, будет основано на торговле человеческими органами?

- Не только на этом, дорогой господин Иоганн, но и на вымогательствах, шантажах, на контрабанде, торговле оружием и больше всего наркотиками, - сержант перестал говорить и осмотрел пустые гостиничные столы вокруг , чтобы убедиться не подслушивает ли кто-нибудь их разговор, несмотря на то, что они говорили по-немецки, - Вы должны знать, что ОАК не расформирована как утверждают албанцы, это и сейчас серьёзная военная сила, только сейчас они действуют как «КсхИК», тайная и нелегальная воення организация косовских албанцев.

Один из их центров управления находится как раз здесь, в гостинице Гранд, - уже испуганым голосом продолжил сержант, - их члены крупные криминальные авторитеты и занимаются как раз тем, о чем я Вам рассказал. Они находятся под непосредственной командой актуального политического руководства Косово, и поэтому нам не безопасно здесь разговаривать на эту тему. Тем более потому, что все их политические противники рано или поздно бывают убиты.

Эти тайные тюрьмы в Албании, находящиеся по домам, в одной из которых Вы сами были, организованы для сторонников Ибрагима Ругове, как и для членов ФАРК'а. Позднее те же самые тайные тюрьмы использовались уже для сербов. А самое главное это то, что очень много оружия находится в руках албанцев.

Мы, военные, попытались, думаю по команде от НАТО, провести несколько акций сбора оружия, и то, в основном, у сербов, по доносу албанцев. Нашли мы мало, вероятно, сербы мало его и имеют, а то что имеют,

хорошо спрятали. В албанские же деревни нам страшно было с подобными обысками входить, командиры побоялись столкновений.

Такое уже случалось при самом лишь упоминании об обыске. У албанцев, живущих в деревнях, ещё действуют племенные правила и они считают тяжким оскорблением, когда в дом приходит кто-то неприглашенный. Это из-за женщин, которых, по их законам, никто из посторонних не может видеть.

Поэтому албанские дома мы и не обыскивали. Входили только туда, где точно знали, что там находится большое количество оружия и амуниции. Такую информацию мы получали от таких же криминальных албанцев, конкурентов тех преступных группировок. Вскоре, после нашего обыска все члены тех семей бывали убиты, потому что без оружия они были беспомощны. А, выдавшие их конкуренты, получали превосходство на местном криминальном пространстве.

Но, господин барон, меня интересует - искренны ли Вы в намерении обвинить Сабита?

- На основании каких доказательств? – пожал плечами Иоганн, - Вы ведь и сами знаете, что в таком случае моё слово было бы против него ничем. А что это значит? Пока я лишь попрошу Вас мне помочь, обращусь и в посольство, если будет нужно то и в БНД (немецкая разведка), что бы мне помогли в этом случае, касающемся меня лично.

Я хочу, чтобы за Сабитом было установлено наблюдение и чтоб нашли любую причину для его ареста.

Поверьте мне, я убеждён – что-то она существует, и далеко не одна. Я не пожалею ни времени, ни денег для этого.

Так как я здесь в гостинице зарегистрирован как журналист, может быть пришло время действительно сыграть эту роль и написать несколько репортажей на тему имущества бывших борцов ОАК, - сказал барон, посмеиваясь.

- Можно, только с одним условием, что я буду Ваш фоторепортёр, - очень серьёзным голосом ответил сержант. Он промолчал о том, что уже несколько албанских журналистов было убито когда они захотели обнародовать информацию о сотрудничестве некоторых политиков, бывших командующих ОАК, с албанскими криминальными группировками.

Глава 11

Судебно-медицинский эксперт и сержант вошли в Иоганнов гостиничный номер строго в назначенное время. После краткого предварительного разговора сержант достал фотографии свалки и отпечатаный список предметов, которые были видны на плёнке, и которые были бы интересны следствию.

Барон внимательно посмотрел фотографии, а потом прочитал список предметов на котором, в числе прочего, находились – четыре пластиковых капельницы, шприцы, коробки из-под лекарств и пустые бутылочки от транксена, хлороформа, 250 мг цинаризина, 25мг бускопана, части материала хирургического халата и оборудование для переливания крови из вены в вену, заводской футляр для пистолета, ещё шприцы и пустые бутылочки, лекарства и таблетки.

- Необычные вещи для простой деревенской свалки, - прокоментировал вслух Иоганн.

- Не просто необычные, господин Иоганн. Должен Вам сказать, что некоторые из них употребляются исключительно в операционных залах. Что они делают на деревенской свалке? А вот эта часть апаратуры для переливания крови? Ею пользуются на фронте! Видимо Ваш сон был истинным до деталей. Что Вы предлагаете? Что будем делать?

- Мы – ничего. Эти данные я передам военным спецслужбам. Думаю, что когда-нибудь это им понадобится, - с улыбкой на лице сказал барон и, взглянув на судебного эксперта, спросил, - Скажите мне, можете ли Вы проверить наличие крови в каком-нибудь помещении? Важно ли сколько времени прошло от момента её появления там?

- Обьясню Вам, господин Иоганн, существует химический препарат, который называется «Лумикол», это средство, спомощью которого можно обнаружить даже самые малые частицы крови. Когда поверхность побрызгать Лумиколом, происходит реакция с парадоксидазом, которая активирует гемоглобин.

Так Лумикол заставляет кровь светиться под синей или фиолетовой лампой. Тогда можно ясно увидеть пятна крови, находящиеся на том месте. Иначе, это не видно обыкновенным глазом, без присутствия ламп. Эта экспертиза делается в темноте и у нас есть специальные лампы, которые нам помогают успешно работать. Совсем не важно, как давно эти пятна появились, но важно где их искать, потому что это достаточно дорогая экспертиза.

- Не волнуйтесь, дорогой мой, я Вам точно скажу, где нужно искать кровь. Дом, в котором нужно искать, находится в 15 километрах юго-западнее от города Буреля в Албании. Координаты этого дома находятся здесь, а на обороте – план самого дома.

Судебный эксперт взял бумагу, которую ему протянул Иоганн и удивлённо посмотрел на него. Взглянул на бумагу, там было написано GPS N41, 32’, 43-9 E0, 20,

00', 01. На оборотной стороне он увидел точный план дома. На чертеже было точно обозначено, в каких местах, только в двух комнатах, нужно искать следы крови от импровизированных нелегальных хирургических операций.

Эксперт не хотел спрашивать откуда у Иоганна эти данные, он знал, что всё что видит перед собой совершенно точно соответствует истине, так как сержант однозначно поручился за этого журналиста. Правда, он не мог понять почему журналист сам не использует такую информацию, которая вероятно, повлияла бы на тираж его газеты. Но, наверное, у него есть на это свои причины!

***

- Зачем мне всё это нужно и зачем я отправился в эту дорогу? - раздумывал Иоганн, глядя на прекрасные пейзажи, мелькавшие в окне. Ответ на этот вопрос он и сам точно не знал, но чутьём был уверен, что поступал правильно. Он вспомнил слова своего покойного отца: «Человека к активности призывают две вещи, амбиции или суетливость, в зависимости, как смотреть на это, а также страх смерти и любовь.»

- Да, любимый мой отец, - Продолжил Иоганн свой внутренний монолог, обращаясь к отцу, - меня не интересует ничего. Амбиций уже давно у меня нет, я считаю себя состоявшимся человеком, я знаю цену жизни и доволен тем, что у меня есть, страх смерти я победил

в период моей болезни, любви у меня достаточно и это я хорошо знаю.

Меня на всё, что я сейчас делаю принуждает что-то мне непонятное. Но я знаю, мне моё сербское сердце само говорит что нужно делать и как себя нужно вести. И мой мозг соглашается с этим. Сейчас даже не знаю, спас ли меня Йован или я спас его. Во всяком случае, я закончу то, что начал, - перебил свои раздумия барон – и, да благословит меня в этом Бог!

Он с сержантом и ещё с одним агентом БНД, албанцем, который ехал с ними как переводчик, в машине с надписью PRESS, направились осматривать Косово и Метохию, а конкретно деревни, в которых жили или живут бывшие командующие ОАК.

Их удостоверения журналистов известного немецкого пресс – агентства и ИФЖ (интернациональной федерации журналистов) были гарантией безопасности в дороге, потому что все знали, что албанцы не нападают на иностранных журналистов, чтобы не испортить мнение журналистов о себе, как о народе – «жертве сербской агрессии».

Вчера сержант, сидя в своей канцелярии, рассказал Иоганну как албанцы в отличие от сербов быстро поняли значение и влияние иностранной прессы, и поэтому всегда очень хорошо платили за репортажи в свою пользу и таким способом склонили в свою сторону мировую общественность.

Иоганн внимательно слушал. В один момент – это было видно по выражению его лица сержант что-то вспомнил и обратился к Иоганну:

- Не хотите ли, господин барон, пройти в другую комнату. Я что-то Вам покажу!

Когда они вошли туда Иоганн заметил два компьютера, проектор и ещё какие-то апараты, о которых он не знал ничего. Сержант попросил его сесть в кресло и включил видео. На видеозаписи репортёр немецкого телевидения брал интервью у людей, которые на тракторах, грузовиках и в машинах в панике бегут из города. Внизу было написано, что это Призрен 1999 года. Журналист обратился одному из беженцев-сербов, на чьём лице виден был страх, с вопросом: «Почему вы уезжаете?»

Человек ответил, и албанский переводчик перевёл немецкому журналисту его ответ, который ушёл в эфир.

- Что Вы увидели и услышали, господин барон? - спросил сержант.

- Не понимаю суть вопроса. Видел, как КФОР входит в Призрен, после вывода сербских войск и как народ бежит из города. И этого нашего журналиста, задающего вопрос сербу.

- И что этот серб ответил? - с загадочной улыбкой спросил сержант.

- Сказал, что они бегут из города, потому что не смеют дожидаться справедливой мести албанцев, за то что сербы жгли их дома, насиловали женщин и убивали детей. Мне кажется, что он раскаивается в преступлениях

сербов, но уже поздно, - растерянно ответил Иоганн, не понимая, что, в самом деле, хочет сказать сержант.

- Видите, господин барон, что значит пресса и какое её значение. Из этого репортажа, который транслирован на всех ТВ станциях, мир узнал от одного серба, что они совершали преступления и что поэтому они испугано бегут от законной мести. Правда же совсем в другом. Человек сказал, что бежит потому что вооруженные албанцы убивают невооружённый сербский народ, всех подряд, и никто им не мешает это делать.

В соседней деревне албанцы перебили 70% всего населения, КФОР их не останавливает, и албанцы, в целях этнического очищения Косово, убивают невинных жителей, чтобы оставшиеся сербы испугались и бежали с территории Косово.

Но переводчик, которому скорей всего хорошо заплатили, перевёл всё по другому и это услышал весь мир. Вы понимаете, о чём я говорю? Албанцы очень надеются на мировую прессу и поэтому завтра мы поедем как журналисты немецкой газеты.

Так и случилось. Одновременно, в то же самое время за Сабитом началась слежка. Её оплачивал Иоганн, через сержанта, которому и передавали информацию о результатах слежки. Кроме того, Иоганн собирался получить информацию о финансовом положении бывших руководителей ОАК. Самим же жителям албанских деревень, которые они посещали, говорили, что пишут о героической борьбе ОАК за свободу албанского народа, чтоб никто не узнал истинную причину их приезда.

Из-за такого их подхода, все двери были им открыты, албанцы только и ждали, кому бы рассказать о героической борьбе членов своих семей и сограждан. Даже военному переводчику не сказали настоящей правды об их миссии.

Днём раньше такой план предложил Иоганну сержант, у которого была информация, что в последние годы в албанских газетах появилось большое количество обьявлений о смерти. В них восхвалялась героическая борьба людей, которые никогда не были ни в каком военном подразделении, даже на их памятниках были фотографии родственников в мундирах ОАК, чтобы показать, что они члены героических семей.

Сержант сказал, что у них имеется информация о том кто поддерживал ОАК в борьбе против сербов. Это был блок НАТО. Только партизанские нападения из лесов были самостоятельно организованы. Но это было лишь несколько взорваных гранат и несколько выпущенных в спину беззащитных сербов пуль. После этого бойцы ОАК опять уходили в лес.

Иоганн хорошо понимал о чём говорит сержант, потому что, читая историю Косово, он узнал, что албанцы всегда были на стороне сербских врагов. Помогали туркам, австро-венграм, итальянцам и немцам, которые воевали против сербов. Ему не было совсем ясно, о каком геройстве они будут писать, но он послушал сержанта и это дало свой результат.

Все албанцы рассказывали о своём геройстве. Было их много, ведь сержант и Иоганн обьезжали и по несколько

деревень в день. При въезде в деревню каждый раз они спрашивали, где находится их старейшина и брали у него интервью. Потом вместе с ним обходили деревню.

Можно было с предельной точностью определить кто из бывшего руководства ОАК живёт здесь. Их дома были новыми и грандиозными постройками. Только обход вокруг одного имения в деревне около Дечана занял более получаса. Целое имение было огорожено бетонной стеной высотой в три метра.

В дом их не пустили, под предлогом того, что строительные работы ещё не закончены и что посторонним не безопастно находиться внутри. Иоганн издалека мог увидеть, что строится настоящий дворец – из грандиозного первого этажа возникали и поднимались к небу три велеколепные трёхэтажные башни. В таком обьекте должно бы было быть более 30 комнат, а строительство уже стоило явно более миллиона евро. Не известно, сколько ещё денег нужно будет потратить, что бы закончить такое строительство.

Когда Иоганн спросил, где владелец этого дворца заработал своё богатство, все жители промолчали. Только один из них незаметно шепнул Иоганну, что перед войной у этого человека был только один маленький магазинчик. Иоганн мог только гадать на какие деньги построен этот громадный дом!

Везде ситуация была похожей. В основном все командиры ОАК перед войной были бедными или были выходцами из среднего слоя. Пастухи стали генералами

и быстро стали богатыми. Поэтому Иоганн и хотел собрать как можно больше информации о них.

Не для того, чтобы убедиться, что его пять миллионов евро забетонировано в одном из таких дворцов, а для того чтобы доказать, что новое государство Косово построено на сердцах, почках, лёгких... убитых албанскими «героями» невинных людей.

Косовские деревни они обьезжали по списку, сделанному сержантом. Иоганн впервые увидел такие высокие стены, которыми был огражден каждый дом в албанских деревнях. Эти стены, высотой два – три метра, опоясывали каждое имение. Удивило его, что за высокими стенами часто находились старые полуразрушенные дома иногда построенные даже из глины.

Ему было непонятно, почему люди больше денег вкладывают в стены, чем в сами дома. Байрам, переводчик, обьяснил Иоганну, когда они вернулись в Приштину, что стены строятся ради защиты от нападения. За этими стенами прячутся также их женщины от любопытных взглядов прохожих. Барон понял о женщинах, но ему было непонятно о каких чападениях идёт речь, поэтому он спросил Байрама:

- А каких нападений, господин Байрам, они боятся? Я не видел в деревне ни одного сербского дома?

- Это точно. Но Вы как журналист должны знать обычаи и законы, которые существуют в этих местах. Удивительно, что Вы не навели справки об этом перед приездом в Косово! - подозрительно спросил переводчик.

- Господин Байрам, я не военный репортёр, сюда я приехал чтобы писать о экономических темах, но сержант сказал мне, что экономика Косова зависит от местных военных боссов и тогда я заинтересовался ими, - ответил Иоганн, понявший, что не сможет обмануть опытного агента, и поэтому сказал ему часть истины.

- Обычаи в Косово сильнее от закона. По «канону Леке Дукаджиния» существует кровная месть. Если один человек убил другого, его семья должна кровь семье убитого. Глаз за глаз, зуб за зуб, жизнь за жизнь.

Те правила здесь ещё актуальны. Никто не знает когда и кто будет убит, поэтому и существуют эти стены. К сожалению, этот закон ещё не искоренён, не смотря на то, что мы находимся на этапе вступления в Евросоюз!

- О какой Европе вы говорите с такими дикими обычаими! - подумал про себя барон, но вслух ничего не сказал.

- Наверное Вам известен случай о нападении в Дечанах на одну семью. Это сделал бывший комендант ОАК Метохии, тот, кто строит замок, в котором мы сегодня были. Он и ещё тридцать его людей, вооружённых до зубов, напали на дом своего противника. Если бы не стены неизвестно что бы было. А так жертвы успели защититься и ещё ранили их вождя! - продолжил Байрам своё обьяснение, но сержант прервал его:

- Байрам, ты не сказал ещё господину журналисту, что американцы сразу же перебросили его на базу Бонстил для лечения! - сержант повернулся к барону - интересно узнать, что его одтуда перебросили к нам, в Германию, в

нашу военную базу Рамштайн. Мы не вмешиваемся в их дела, но нам понятно, что за ним стоит ЦРУ.

Приехали в Приштину и попрощались с переводчиком. Сержант сказал Иоганну, что свой разговор они могут продолжить в номере, потому что он должен сообщить ещё кое-какие интересные детали, относящиеся к их случаю.

- Вы видели тот замок, - продолжил разговор сержант, когда они поднялись в номер, - достойный короля. Мой близкий приятель, шеф итальянского контингента при миссии ООН, сказал мне, что боится того кому достанется Косово после нашего ухода. По его информации из Милана, где он был заместителем шефа полиции и шефом специальной группы, в которую входили карабиньеры специальной службы РОС, утверждают, что некоторые косовские албанцы контролируют торговлю наркотиками в целой Ломбардии.

Для мафии очень важен контроль над целой областью, по которой проходит накротрафик. Сейчас Косово большой перекрёсток этих криминальных дорог. Поэтому они просто обязаны контролировать всю территорию, через которую проходит 80% всего объёма наркотиков из Афганистана.

Мы были в Дечанах. Там живёт 5000 жителей. Не работает 80% людей. Как тогда обьяснить, что в таком месте, где столько людей не работает а даже у работающих зарплата всего 100 евро в месяц, существует столько банков и гостиниц. Кто этим всем пользуется?

А Вам, как и мне, не кажется ли что это существует на криминальные доходы мафии? Откуда громадные деньги на строительство таких вилл и дворцов? А автомобили, видели ли Вы эти дорогие джипы; такие редко можете видеть даже в Германии! Всё это, господин барон, не говорит в пользу независимого государства Косово, но скорее в пользу мощной системы криминальных организаций!

Понимаете, чего боится мой приятель Антонио, хорошо осведомлённый обо всём этом? А знаете ли Вы сколько новых мечетей построено в Косово после разгрома сербов? Рассказываю Вам об этом, потому что имею конкретные данные о новых исламских экстремистах на этой территории.

Как раз бойцы ОАК под командой человека, о котором я Вам рассказывал, и который был обвинён перед международным трибуналом за то, что утопил тридцать человек в озере, свои террористические операции начинали с возгласом «Аллах Акбар»(Бог велик!). Антонио предполагает, что Косово станет ещё одним исламским террористическим государством, и я думаю то же самое.

- Мне не понятно, сержант, если НАТО знает об этом, почему не реагирует и не арестует всех этих людей?

- Нет свидетелей, многие, которые хотели сотрудничать, были убиты. После этого больше никто не хочет быть свидетелем. Убиты даже те албанские полицейские, которые работали на расследовании торговли наркотиками.

- Вы попытались внедрить в эти криминальные группы своих людей?

- Хороший вопрос, а ответ на него обьяснит их успешное существование. Албанцы живут по племенным законам и поэтому тяжело, практически невозможно внедрить к ним своего агента. Во-первых, приоритет для вступления в криминальную группу есть только у людей из своего родового окружения, что часто является главным условием для члена группы.

Во-вторых, это знание албанского языка, различного в каждой области, так что по диалекту сразу становится известно место проживания; в-третьих, если кто-то и сумеет войти в группировку, то в самом начале получает какое-либо кровавое задание, и только тогда может стать равноправным членом клана.

Если он не убьёт того, кого ему приказывает босс, то убивают его самого без раздумия. Их преступные организации так продуманно устроены, что мы не в состоянии им сопротивляться. Огромная проблема ещё и в том, что у них большая популярность среди своего албанского народа, который в них не видит преступников, а видит героев, завоевавших независимость Косово!

- Я не знаю, что будет делать КФОР, но знаю, что буду делать я. Я закончу то, что начал, - сказал Иоганн и встал, в знак того, что их разговор закончен.

Глава 12

- Мне посчастливилось, что судьба послала мне этого человека, - размышлял Иоганн, смотря на сержанта, который копался в своём портфеле. Вспомнил его предложение, как правильно начать дело, используя помощь трёх детективов – бывших разведчиков, раньше работавших в Косово. Барон нанял их и они приехали из Германии с целью найти доказательства против Сабита.

- Где наркотики - там и проституция. Где торговля людьми – там также проституция. Где находятся иностранные солдаты – и там проституция. Значит, во всех вариантах нужно начать наблюдение над публичными домами. Таких домов в Косово больше ста. Думаю, что достаточно наблюдать только за этими в Приштине и то, только за самыми элитными, что эти трое детективов вполне смогут сделать. Я лично могу поручиться за них, потому что они мои бывшие колеги! – предложил тогда свой план сержант. Этот план был одбрен Иоганном, детективы вызваны и наняты, процесс слежки начат.

- Что, теперь предпринять следующим шагом? – подумал Иоганн.

Его мысли прервал энергичный жест сержанта. Он протянул ему большую папку с записками и фотографиями, которые детективы собрали на прошлой неделе.

Когда Иоганн открыл папку, первое, что он увидел была фотография интерьера помещения со стриптизёршами. Сержант подошёл и сел, чтобы обьяснить Иоганну что находится на фотографии.

- Это фотография из ресторана, владелец которого брат Сабита. Он заведует этим местом только потому, что очень надёжен и Сабит ему безгранично доверяет. Вы можете предположить, что всё имущество в руках Сабита, но юридически всё принадлежит другим людям. Правда, все они его родственники или бывшие соратники.

На следующей фотографии выделялась два человека, сидящих за столом в том же самом ресторане. Сержант показал пальцем на человека в левом углу и продолжил:

- Это Сабит, а вот это его брат Даут. Сфотографированы два дня назад скрытой камерой, а детектив сумел записать и их разговор, потому что болтался вокруг, разыгрывая пьяного солдата КФОР'а, на которого они не обратили внимания. Все их разговоры записаны на диск, находящийся у Вас на дне папки. На бумагу записаны только самые важные части разговора, ведь детективы не знают, что Вас конкретно интересует и что Вы считаете достаточно компрометирующим.

То, что он владеет этим рестораном, само по себе уже компрометирует, конечно, нормального человека. Девушки, которые работают там, в основном купленны по цене 2200 долларов. Большинство их из Молдавии и ни одна из них не может выйти из помещения без сопровождения охранника.

Многие из них обмануты. Когда они приезжают в Косово, мафия забирает у них паспорта и содержит их в публичных домах и борделях, а пользуются этими заведениями 60000 сосдат международных войск и администрация, приехавшая в Косово.

Жаль, что людей, пользующихся такими услугами, не интересует судьба этих девушек. Давно уже известно множество случаев, когда девушки, которые сумели бежать, расказывают как жаловались солдатам на своё рабство, но те ничего не сказали вышестоящим органам.

Предполагаю, что и солдаты не желают лишних проблем и думают, что лучше обо всём этом молчать. Или боятся, что такие публичные дома закроются и они останутся без женщин, а здесь у них единственный шанс иметь связи с женщинами, потому что местные албанки их избегают.

- На какой срок бы был осуждён Сабит, если бы мы доказали, что он владелец нелегального публичного дома? - спросил Иоганн, хотя знал, какой ответ он может получить.

- На минимальный, если вообще будет осуждён. В прошлом году обвинено 27 людей за торговлю людьми. Большинство из них было освобождено после жалобы адвокатов, а за то, что Вы предлагаете, может быть, и судить не будут. В лучшем случае, можно временно закрыть ресторан.

- Хорошо, спасибо Вам, сержант. Сейчас я бы Вас попросил оставить меня одного. Хочу спокойно посмотреть диск и прочесть записи. Может быть, найду что-нибудь интересное.

Во всяком случае, я Вам позвоню, когда решу, что нужно дальше делать! - закончил разговор барон и встал что бы проводить сержанта.

***

Телефон в номере настоятельно звонил. Иоганн вышел из ванной, чтобы взять трубку, предполагая, что речь идёт о чём-то важном; только сержант и Гретта знали этот номер телефона в гостинице. Взял трубку и услышал голос сержанта:

- Господин Иоганн, прошу Вас, купите сегодняшнюю газету. Я буду у Вас через час.

- О чём ли таком важном пишут сегодняшние газеты? - Иоганн удивился, зная, что сержант не позвонил бы без серьёзного основания. Поэтому он быстро спустился в фойе гостиницы, чтобы купить газеты. На первой полосе доминировал заголовок «Немецкие туристы пострадали в дорожной катастрофе».

На фотографии, вставленной в текст статьи, было видно двух человек. Газета чуть не выпала из рук Иоганна. Он узнал детективов, которые работали на него. Было написано, что туристы пострадали из-за быстрой езды в арендованном автомобиле в пятидесяти километрах от Приштины.

- Как это случилось и почему они вместе, когда их расследования были разными? Что они делали так далеко от Приштины? - вопросы, которые мучили Иоганна.

Ответ на них он получил, когда пришёл сержант. А он пришёл в сопровождении трёх детективов.

- Господин барон, нас раскрыли, - возбуждённым голосом заговорил он - думаю, что даже знают кто стоит за всем этим. Скорее всего, Сабит заметил, что за ним наблюдают. После того, как убиты два моих приятеля, я не могу допустить, чтобы и с Вами что-то подобное случилось. Мы сейчас же должны покинуть Приштину. Я боюсь за Вашу безопастность!

Один из детективов только кивнул головой, показав, что согласен со всем сказанным. Сержант продолжил:

- Я купил Вам билеты на самолёт, на Ваше настоящее имя. Если детективы Вас выдали – то назвали Ваш псевдоним, которым Вы пользовались как журналист. Они не знали, что Вы барон, не знали Вашего имени, так что ничего не могли сказать!

- А что же с моей миссией, я должен её закончить! - попытался возмутиться барон.

- Прошу Вас! - сейчас уже строгим голосом проговорил сержант, - вопрос идёт о жизни и смерти, воспримите эту ситуацию всерьез. Соберите вещи как можно быстрее, и я сразу же отвезу Вас в аэропорт!

Иоганн понял, что сержант очень обеспокоен, и быстро поступил так, как он посоветовал. Уже через час они ехали в аэропорт. Сержант проводил Иоганна и оставшегося в живых третьего детектива до самого терминала, желая быть уверенным, что они в целости и невредимости вошли в самолёт.

Глава 13

Гретта ждала его в аэропорту. Её счастью не было предела. Она знала, что он должен был ехать в Косово, но не знала и не понимала почему и зачем. Да и самому Иоганну это не было вполне ясно. То же самое чувство, которое его гнало тогда в дорогу, теперь не давало ему покоя и в последующие дни его мирной спокойной жизни дома.

Сначала он ощущал как-бы какой-то трепет в крови, потом нежное, совсем благостное оцепенение, а потом у него появлялось желание вернуться в опять в Косово. Всё же сумев подавить в себе это желание Иоганн постарался перестать думать об отьезде. Он посвятил себя нормальной семейной жизни и бизнесу.

С сержантом они часто разговаривали по телефону. Даже вместе с Греттой посетили его семью. С ними провели прекрасный день в незабываемой дружеской атмосфере. Лучше всех этот день запомнили дети сержанта, которым Иоганн купил дорогие красивые подарки. Иоганн обьяснил детям, что он приятель их отца, которого он считает очень хорошим человеком. Гретта подружилась с женой сержанта и пригласила их с мужем в гости, когда сержант вернётся из Косовской командировки в Германию.

И… Иоганну перестали сниться сны, которые когда-то были частью его ночной «второй» жизни. Единственным воспоминанием о Косово были заметки, сделанные убитыми детективами. Он их внимательно прочитал. Прослушал и снятые разговоры, переведённые сержантом на немецкий язык, но в них не нашёл ничего особо важного.

Он следил за новостями о Косово. В основном сообщения отражали усилия международного сообщества сделать косовское общество демократическим. Между тем, очень много новостей было об убийствах мирного населения, кражах и другом криминале. Огромные финансовые средства, выделяемые на строительство демократии в Косово исчезали неизвестно куда на глазах международного сообщества.

Сделано было по видимости много, а не поменялось фактически ничего. Тогда Иоганн перестал следить за косовскими новостями. Просто постарался, что бы Косово осталось в прошлом. Он тогда ещё не осознавал, что для него это уже не было возможным. Прошлое вернулась к нему в одно раннее утро.

- Папа, папа, - разбудил его голос мальчика, звавшего его. Барон вытер пот со лба и встал с кровати. Посмотрел на часы. Было четыре часа утра. Он сразу подумал о том, что что-то могло случиться с семьёй Йована. После своей поездки в Косово, Иоганн больше не сомневался в своих снах. Он был убеждён, что что-то произошло и что этот сегодняшний сон - призыв на помощь. Поэтому он решил сразу же поехать в ту далёкую косовскую деревню

и навестить мальчика и его мать. Заботливый взгляд Гретты выказывал её волнение и страх, но, как всегда, она была с ним заодно и принимала все его решения.

- Можешь ли ты мне сказать в чём дело, что тебе приснилось?

- Мальчик звал, не знаю почему, но я должен ехать. Не могу тебе этого обьяснить. Просто я должен ехать. Это сильнее меня, этого требует моё сердце. Прошу тебя, пойми меня и помолись, чтобы ни со мной ни семьёй этого мальчика, ставшего для меня не чужим, ничего плохого не случилось! - нежно поцеловав любимую, он отправился к машине, в которой его ждал водитель. По дороге в аэропорт он позвонил сержанту и попросил, чтобы тот ждал его в аэропорту. Три часа спустя они уже встретились и сердечно приветствовали друг друга.

- Не ожидал так быстро увидеть Вас, барон, - с улыбкой обратился к нему сержант.

- И я не собирался возвращаться так скоро, но сегодня утром мне опять приснился мальчик. Он звал меня, и я обязан был приехать. Я уверен, что я нужен ему, потому что такой сон меня никогда не обманывал. Но я очень боюсь, что могло случиться что-то плохое! Прошу Вас, как можно скорее отвезите меня в ту деревню.

Час спустя они уже были в деревне. На подьезде ко двору где жила семья покойного Йована, Иоганн с сержантом увидели несколько джипов КФОР'а. Их присутствие испугало барона: ему стало легче, когда он увидел живого мальчика, сидящего на коленях одного из солдат.

Когда они подошли к немецким солдатам, те обьяснили, что произошло. Утром, где-то около пяти часов, проезжавший мимо патруль КФОР'а заметил группу неизвестных, из пяти – шести человек, движущихся в сторону леса. Это насторожило патруль, поэтому они и решили проверить - всё ли в порядке в охраняющемся ими имении.

Оба охранника у ворот подтвердили, что всё в порядке и что никого не видели. Но начальник патруля настаивал, желая проверить – действительно-ли всё в порядке с женщиной и мальчиком.

Малыш спал в своей комнате. Отправились искать его мать, вышли во двор и остановились, так как зрелище, открывшееся им не было приятным - голова лежавшей посреди двора собаки была раздроблена топором.

Охранник, несший дежурство на задней стороне двора растерянно уставился на собачий труп; с начала своей смены в три часа ночи, он не слышал никаких звуков! Это значило лишь то, что собака была убита ещё вечером.

Охранник, дежуривший перед ним, сказал, что слышал короткий лай, но не обратил на это внимания, потому что всё очень быстро затихло. Причину убийства собаки узнали очень быстро. Молодую женщину, мать мальчика, нашли в коровьем стойле связанную, с заклеенным ртом. Ночная рубашка на ней была разорвана, грудь была обнажена.

По её испуганному и ошеломлённому взгляду было видно, что с ней случилось что-то страшное. Она не хотела ничего говорить, не разрешила доктору осмотреть

себя, но и без врачебного осмотра видно было, что её жестоко изнасиловали. Подробностей того, что пережила в ту ночь эта несчастная женщина никто больше никогда не узнает!

Когда патрульные солдаты ушли, женщина приготовила сыну завтрак, вообще – вела себя так, будто бы ничего не случилось. Выкупалась в ванне, сказала сыну, что он может играть в доме, но ни в коем случае не выходить во двор и отправилась в то самое стойло, которое прошедшей ночью стало местом её мучения.

Здесь её, после и нашли повешенной. Она не смогла пережить того, что произошло с ней и покончила с собой. Охранник, который первым её обнаружил, не разрешил мальчику увидеть её застывшее в предсмертной судороге тело, не смотря на то, что мальчик непрестанно плакал, искал и звал мать.

Мальчик перестал плакать только тогда, когда увидел Иоганна. С распростертыми руками и заплаканными глазами он бросился к барону. Судорожное обьятие детских рук вокруг шеи Иоганна, маленькая голова на его плече и трепетное детское сердечко, которое билось в ритме сердца Иоганнова, навсегда соединили их.

Решение пришло мгновенно - барон решил усыновить мальчика, чего бы это ему не стоило, и увезти его в Германию, подальше от всего здешнего безакония и от этого страшного места.

Два дня спустя, маму мальчика похоронили на том же самом кладбище, на котором были похоронены его дедушка и бабушка. Из родственников покойницы был

только брат покойной, дядя мальчика, который жил неподалёку в соседней деревне. Близких родственников у мальчика больше не было и, поэтому он пришёл с намерением увезти его к себе после похорон своей сестры.

Он жил с женой и тремя собственными детьми в скромном деревенском доме. Как и все сербы в Косово, он остался без работы и шанса получить её, с трудом выживая и кормясь от своего сельского хозяйства, еле-еле сводя концы с концами. Вероятно поэтому, осознавая, сколько проблем принесёт его семье лишний рот, он и согласился на разговор с бароном. Вукашин, так звали дядю мальчика, поначалу не вполне понимал чего этот иностранец от него хочет, и о чём они будут говорить.

- У меня сердце Вашего родственника Йована, которое мне было пересажено. Я об этом ничего не знал... - так начал разговор Иоганн и рассказал обо всём, что с ним случилось. Вукашин с расширенными от ужаса глазами слушал всё это, не веря своим ушам.

В другой ситуации он никогда бы не согласился с желанием барона усыновить сына своей покойной сестры. Но сейчас, увидев, как мальчик сидит на коленях у этого чужака, обняв его обеими руками за шею, словно самого родного ему человека, Вукашин решил подумать над его предложением.

Он сразу заметил, что ребёнок как-то особо привязан к этому человеку. Неужели он вправду ощутил и услышал в нём сердце своего отца? Может быть поэтому он и чувствует с ним какую-то особенную связь? - задавал

себе вопрос Вукашин, видя что ребёнок заплакал, когда он, родной дядя, захотел взять его из рук незнакомца.

Он знал, что Милан любит его, и поэтому ему не была понятна такая реакция мальчика. Озадаченный всем этим, Вукашин попросил барона дать ему несколько дней на раздумье.

На следующее утро, в среду, когда они снова пошли на кладбище, Милан всё время проводил с бароном. Вукашин после молитвы на могиле сестры сказал, что в субботу по сербским обычаям снова нужно идти на кладбище и что после этого даст барону ответ.

Иоганн с нетерпением ждал этой субботы. Понимая, что для Вукашина является большой нравственной проблемой отдать единственного сына погибшей родной сестры в усыновление иностранцу, Иоганн, как для него уже стало привычным в последние месяцы, обратился в молитве за помощью к Богу. Причём, он с удивлением обнаружил в себе стремление, молясь, осенять себя крестным знамением по православной традиции, так как это делали сербы пришедшие помолиться на могиле матери Милана. Это получалось у него естественно и непроизвольно, да и сама молитва стала теперь глубже и внимательнее, словно исходила прямо из его сербского сердца. Он начал чувствовать близкое присутствие Бога так, как этого никогда не бывало с ним прежде.

А, пока оставались несколько томительных дней, Иоганн решил встретиться с сержантом в своём гостиничном номере, потому что в голову ему пришёл новый ясный план. Сержант в тот же вечер пришёл к барону.

- Дорогой мой сержант, реализация этого плана во многом зависит от нашей разведки. Вы в состоянии добраться до личных данных Сабита? Я имею в виду номер паспорта, какой-нибудь личной карточки или чего либо другого подобного?

- Без проблем, дорогой мой барон, без проблем. Мы бережём, на хард-дисках даже все их старые базы данных. Новые документы они оформляют в наших службах, так что это вообще проще простого. Но, зачем Вам это нужно?

- Видите, я хотел бы открыть валютный счёт на имя Сабита, о котором он не должен знать. Поэтому мне и нужны его личные данные. Я подпишусь на документах так, что он не сможет снять деньги со счета, пока не увидит, как выглядит подпись, а на это у него уйдёт много времени. Я же буду доверенным лицом, которое сможет снять деньги со счёта.

Как только Вы мне принесёте необходимые данные, я улечу в Рим и там открою счёт. Почему в Рим? А потому, что там он бывал раньше, и всё будет выглядеть наиболее правдоподобно для реализации моего плана, который состоит в следующем: Я переведу миллион евро на его имя.

Копию этого договора, на котором видно имя владельца счета и сумма уплаченых денег, доставим, тайно через Ваших агентов, Сабитовому начальнику, тому из Дечана, с обяснением, что неизвестный приятель из БНД сообщает, что Сабит его продал и что его убьют, и что за это он и получил миллион. Что ему заплатили албанцы,

люди из враждующего клана, которые в Дечанах напали на него и ранили.

Что Вы думаете об этом, сержант? Здесь, в этом крае, нет порядка и закона, поэтому исполнение справедливости нужно перенести туда, где известно кто и что может, хочет и имеет право сделать. И где каждый получит по заслугам: - барон загадочно улыбался, наблюдая за реакцией сержанта.

Тот вскочил со стула и протянул руку барону.

- Поздравляю, только Вы могли придумать такое. Вы не подумывали когда-нибудь придти работать на нашу службу? - смеясь сказал он барону и продолжил - данные Сабита будут на Вашем столе завтра утром. Готовьтесь к поездке в Рим, дорогой мой барон!

- Все дороги ведут в Рим, даже и эта наша, косовская! - сказал барон и встал проводить сержанта.

На следующий день он уже был в Риме. Открыл счёт в банке на Сабитово имя и со своего счёта перевёл на него миллион евро. После этого, в тот же день, вернулся в Косово. Он договорился с сержантом, что деньги будут на этом счету несколько дней, чтобы избежать подозрения вышестоящего Сабитового начальника, которому не должен показаться сомнительным факт, что договор ему доставлен в тот же день, когда был открыт счёт.

Барон по телефону сообщит сержанту из Германии когда нужно будет доставить копию договора, а сержант, выполнив задание, проинформирует его, чтобы барон в тот же самый день снял свои деньги с этого счёта. После этого разговора с сержантом, барон поехал к мальчику. Он уже не мог вынести разлуки с ним до субботы.

Глава 14

Вукашин в ту ночь практически не спал. Всю ночь думал он о злой судьбе своей сестры, зятя и его родителей. Мучила его и мысль, что он виноват перед сестрой за то, что послушал советы своих соседей и не пригласил священника на похороны. Сокрушённого известием о трагической смерти сестры и несчастьем, случившимся с ней перед смертью, он легко дал себя убедить в том, что священник не будет отпевать самоубийцу. Их, самоубийц, как говорили ему соседи, даже не хоронят на христианском кладбище, а только за его пределами.

- Но моя сестра не убила себя без причины, - говорил самому себе Вукашин, ворочаясь в кровати. - Она не смогла пережить случившееся надругательство, как патриархально воспитанная и верующая женщина, она не могла перенести всего этого.

Значит, по мнению односельчан, и Стеван Синджелич - самоубийца! Но зачем и почему? Не может никто одну такую героическую смерть, героя, который убил столько турков, не может никто такой героический поступок назвать самоубийством!

Тоже самое сделал и майор Тепич, герой, который также выбрал героическую смерть. Господи прости, я не сравниваю мою сестру с такими героями, но и она не могла поступить по другому. Она никогда бы не сделала

этого, если бы её не изнасиловали! - закончил Вукашин свой внутренний монолог. Ободренный такими мыслями, он решил рано утром пойти в церковь и посоветоваться со священником об отпевании его сестры. Эта мысль его немного успокоила и он заснул.

Проснулся он через два часа и сразу же отправился в церковь. Священника он нашёл во дворе. Вукашин обьяснил ситуацию и попросил помочь ему хотя бы советом.

- Ты ошибся, мой Вукашин. Но твоё счастье, что ты понял ошибку. Твоя сестра была крещёная и верующая женщина. Меня, к сожалению, не было здесь во время похорон и я не знал, что с ней случилось. Я бы нашёл кого – нибудь, кто бы пришёл и провел вместо меня обряд отпевания.

Ты должен знать, что отпевание это не церковное таинство. Это скорее проводы умершего в вечную жизнь, молитва родных и друзей за усобшего при прохождении душой мытарств, после которых он ответит Господу на вопрос, как тот прожил жизнь.

Ни один человек ни хуже, ни лучше другого, все одинаковы. Но поступок самоубийцы, который отрёкся от жизни – дара Божьего, большой грех. В праве те, которые тебе сказали об этом. Даже и кровавый убийца может покаяться за свои грехи, а вот самоубийца не может. Наша дорогая покойница была хорошей, честной и благородной женщиной, её смерть правильнее назвать убийством, чем возлагать вину на неё саму.

Наш обычай – о умерших говорить хорошо или ничего. Покойница своей жизнью заслужила, чтобы о

ней говорили хорошо. Она не отреклась от общения с Богом, как другие самоубийцы и в отличии от других, покинувших Косово беглецов, она всё время жила под вражеской окупацией, в военных условиях. Поэтому на её смерть нужно смотреть как на сохраниние чести одной сербской женщины. И поэтому она заслуживает отпевания. Приготовь вино и свечи и я в любом случае приду.

Огромный камень упал с сердца Вукашина. Он ощутил, как ему сразу же стало легче, не смотря на саму тяжёлую ситуацию. Он поспешил подготовить всё для семидневных поминок, которые приходились точно на сегодняшний день. И с удовлетворением душевным ждал отпевания.

***

- Выпейте немного вина, за душу покойницы, моей сестры, такой обычай у нас сербов, - обратился Вукашин к барону, протягивая пластмасовый стакан с вином. Иоганн взял стакан и выпил глоток вина. Вернул стакан Вукашину, а тот в свою очередь, добавил в стакан немного вина и протянул его сержанту, который стоял слева от него.

Они впятером разговаривали, стоя у свежей могилы. Иоганна немного смутила улыбка на лице Вукашина во время отпевания покойницы. Но, считал он, это от боли, которая скорчила его лицо в неестественную улыбку.

Или, может быть, Вукашин вспомнил какое-то приятное событие, связанное с его сестрой.

Пятнадцать минут спустя пошли к дому. Стол был накрыт; это сделал Вукашин ещё рано утром. Сели поминать, по сербскому обычаю. Милан сидел между Иоганном и Вукашином. После поминок Вукашин попросил Иоганна и сержанта пройти в соседнюю комнату. Там и состоялся разговор.

- Господин барон, я хорошо подумал о Вашем предложении. Вижу, что и Милан как-то особо привязан к Вам. Я знаю, что ему бы было бы гораздо лучше у Вас, Вы бы ему посвятили и больше времени и материальных средств нежели моя семья. Но я должен вам сказать, что он единственный оставшийся в живых член этой семьи, что он последний мужской потомок и если он поменяет фамилию, его род погаснет.

Это грех, который я бы не посмел взять на свою душу. Также, это и вопрос вероисповедания. Со временем, живя у Вас, он бы стал католиком, а мы сербы и так потеряли много крови за веру, от которой отдельные сербы сами отреклись. Некоторые наши предки принимали и ислам, и католицизм. Не хотел бы и я сделать такую ошибку. Поэтому не могу Вам разрешить усыновление Милана.

Лицо барона после перевода сержантом Вукашиновых слов потемнело. Его опущеный взгляд и сжатые кулаки ещё больше утяжелили и так напряжённую атмосферу в комнате. Иоганн, как последнее средство, погрузился в горячую молитву. После нескольких минут внешнего

молчания барон поднял голову, улыбнулся и посмотрел на Вукашина:

- Я поменяю свою конфессиональную принадлежность и перейду в православие, - голосом, полным уверенности и надежды, проговорил Иоганн - в моей груди же всё равно бьётся православное сербское сердце. Я достаточно хорошо познакомился с вашим народом, его вероисповеданием, традициями, культурой и буду считать это для себя честью! Поймите, я сделаю это, чтобы Милан стал моим настоящим сыном! Потому что он и есть мой, - барон говорил всё быстрее и быстрее, - что же касается фамилии, то добавим её к моей. Он станет Милан Йованович фон Вагнер, так мы сохраним его род и ещё облагородим его нашим титулом.

Поверьте, Вы сможете видется с ним когда вам будет угодно, для меня деньги не представляют проблемы и все ваши расходы будут идти на мой счёт. Это мой ребёнок, Вы должны знать об этом, а лучше всего знает об этом, родное Милану, моё сердце!

Вукашин растерялся, увидев слёзы в глазах барона, а его готовность на всё, ради ребёнка, указывала, что он не ошибётся, если разрешит барону усыновить Милана. Вукашин позвал мальчика из соседней комнаты и спросил:

- Милан, золотко моё, хотел бы ты быть вместе с этим человеком? - задал вопрос мальчику Вукашин, гладя его по голове.

- Дядя Вукашин! Это же не просто человек, это мой папа! Ты разве забыл моего папу? - удивлённо спросил ребёнок, обнимая Иоганна.

Ответ Милана всё решил. Вукашин посмотрел на них двоих, перекрестился и дал своё согласие, кивнув головой Иоганну. Барон ещё крепче обнял мальчика, целуя его в голову.

Православное крещение и присоединение к Православной Церкви Иоганна Вагнера состоялось на следующий же день в церкви монастыря Грачаница. Крёстным отцом был Вукашин. Сержант, как и всегда, был рядом с Иоганном и переводил всё сказанное священником и крещаемым.

***

Гретта играла с Миланом, когда зазвонил телефон. Взяла трубку и услышала голос человека, которого ещё не узнала лично, но о котором её муж рассказал очень много хорошего:

- Спасибо, господин. Передайте привет Вашей жене, когда будете разговаривать с ней. Дорогой, - обратилась она к Иоганну, сидевшему за столом в другой комнате - Тебе звонит твой приятель, сержант.

Иоганн быстро встал из–за стола и подошёл к телефону.

- Алло, добрый день, дорогой друг, - поздоровался барон и сразу же замолчал, слушая, что говорит

сержант. После некоторого времени, продолжил – Да, да, конечно посмотрю. Ожидаю услышать детали во время нашей встречи. Надеюсь, что Вы скоро приедете домой. Большой привет моему приятелю!

В тот вечер Иоганн с огромным нетерпением ждал телевизионную программу новостей с передачей событий, о которых ему сказал сержант. Где-то в самом конце новостной программы включился репортёр из Косово со свежей информацией. Барон внимательно слушал его репортаж:

- Вчера вечером в центре Приштины убит некто Сабит – один из бывших высоких офицеров ОАК. Это убийство не было бы необычным, они слишком часто случаются в Косово, если бы всё происшедшее не было снято любительской видеокамерой с 50-метрового расстояния. Немецкий турист, который гулял по городу и камерой снимал достопримечательности Приштины, случайно заснял убийство, которое случилось посреди улицы на глазах множества прохожих.

Патруль КФОР-а, который изъял у туриста эту видеозапись, узнал в убийце бывшего коменданта ОАК, отвечавшего за Дреницу, который лично убил Сабита. Спустя несколько часов убийца уже был арестован. Из-за его ареста на улице собрались недовольные граждане, которые требовали свободу для их героя. Пока ситуация находится под контролем. О развитии событий мы сообщим в следующем

выпуске новостей. Привет из Приштины от Вашего репортёра.

***

Барон выключил телевизор и свет в комнате и сел в кресло. Так он просидел довольно долго. В его душе было тихо и спокойно, так спокойно как никогда. Как будто бы что – то мешавшее ему прежде, вылетело из него; ему стало как - то легче и свободнее дышать полной грудью.

Потому ли, что заслуженная кара настигла убийцу Йована и человека, который его похитил? Потому ли, что его косовские мытарства этим закончились? Иоганн не мог ответить на эти вопросы, но это его больше и не интересовало. Для него Косово наконец стало действительно далёким прошлым! Остаётся, пожалуй, только памятник, который нужно поставить Милановом отцу, матери, дедушке и бабушке. И он больше никогда не вспомнит о той стране!

Дверь комнаты приоткрылась, и в дверях появился Милан в пижаме, держа плюшевого медведя под мышкой.

- Папа, я могу лечь к тебе? – спросил малыш.

В первый раз Иоганн не сразу понял мальчика. Он и раньше говорил с Иоганном по–сербски, но сейчас не понял почти ничего.

- Возможно ли, - подумал барон, ласково посматривая на мальчика, - что Йован теперь оставил меня и ушёл, что он нашёл свой мир, потому что правда восторжествовала? Пусть, может быть так и лучше. Во всяком случае, мой сын Милан тут. Научу его немецкому языку, а он меня сербскому. Мы будем учиться и молиться вместе! Любви и времени у нас достаточно. И, Господь благословит нас!

Барон приподнял мальчика двумя руками и посадил его к себе на колени. Милан быстро заснул, прислонив голову на грудь Иоганна, в которой нежно и трепетно билось сердце. То, сербское... Йованово.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Веселин П. Джелетович

Автор родился в 1962 году, в Сербии.

Член Общества писателей Сербии и Международной федерации журналистов (МФЖ).

Председатель Общества писателей «Поета».

Написал следующие книги:

«Племенитый витезь от Космета»
«Эй, Косово»
«Красоте твоей дарить буду рифмы»
«Ограма»
«На страже Родины»
«Орихалк и хрусталь Атлантиды»
«Йован Ненад –чёрный человек»
«Сербы и мир»
«Боемская поэзия»
Поэма «Сербское сердце Йованово»
«Сербское сердце Йованово»

Роман «Сербское сердце Йованово» получил специальную благодарность Академии «ИВО Андрич».

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД «ФЛАВИАН»

Роман «Сербское сердце Йованново» открывает собой серию благотворительных изданий Фонда, прибыль от которых будет направлена на реализацию программ помощи российским и зарубежным православным христианам – монашествующим и мирянам, нуждающимся в братской поддержке словом, делом и молитвой.

Фонд основан по благословению и при непосредственном участии священника и писателя, номинанта Патриаршей Литературной Премии 2013 года, протоиерея Александра Торика, положившего основание благотворительной деятельности создателей Фонда передачей сербскому монастырю Святой Троицы безвозмездного права на издание своих книг на сербском языке с перечислением прибыли от этих изданий детям из семей пострадавших от войны в Косово-Метохии.

Прибыль от издания настоящей книги станет частью помощи семьям Косовских православных сербов имеющим без вести пропавших членов – похищенных и убитых, подобно одному из героев этой книги.

В ближайших планах Фонда реализация программ, могущих принести средства для помощи православному интернациональному монастырю святого Георгия в местечке Караискаки в Греции и нескольким русским монахам-отшельникам на Святой Горе Афонской.

Желающие принять участие в благотворительных программах Фонда могут перечислять свои пожертвования по нижеприведенным реквизитам.

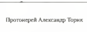
Фонд поддержки и развития гуманитарных и духовно-просветительских программ, основанных на российских традиционных духовных ценностях «Флавиан»

«Банк получателя»	ОАО «Сбербанк России» г. Москва
«БИК» Банк получателя	044525225
«Сч. №» Банка получателя	30101810400000000225
«Сч. №» получателя	40703810338260001834
Получатель	Фонд поддержки и развития гуманитарных и духовно-просветительских программ, основанных на российских традиционных духовных ценностях «Флавиан»
ОГРН	113779015969
ИНН	7731397555
КПП	773101001
Сокращенное название	БФ поддержки и развития гуманитарных и духовно-просветительских программ, основанных на российских традиционных духовных ценностях «Флавиан»
Контактный телефон	+7(925)300-93-23
Электронная почта	bf-Flavian@yandex.ru

Информация об использовании собранных благотворительных средств будет размещена на сайте Фонда: **fondflavian.ru**

Наши издания:

Флавиан

ПОВЕСТЬ

«Флавиан» - первая повесть, написанная отцом Александром, рассказывает о неожиданном повороте в жизни вполне обычного современного городского жителя Алексея. Случайная встреча с давним однокурсником многое перевернула в жизни весьма успешного менеджера, в прошлом физика, и стала для Алексея началом нового жизненного пути, на котором его ждало много удивительных открытий. Герой повести шагнул в существующий рядом с нашим обыденным бытовым миром, огромный, интереснейший духовный мир - пространство, в котором душа каждого человека обретает смысл, радость и Любовь.

Наши издания:

«Флавиан. Жизнь продолжается» - продолжение истории Алексея и отца Флавиана. Жизнь ставит перед ними новые проблемы, открывает новые удивительные грани человеческих судеб. Повествование переходит из типичной российской глубинки в землю Эллады, на овеянный славой полуостров Афон, где более тысячи лет творится невидимый миру подвиг отшельников. Там отца Флавиана и Алексея ожидают необычные встречи и события.

Наши издания:

«Флавиан. Восхождение» - книга о новом посещении отцом Флавианом и Алексеем Святой Горы Афон. Удел Божьей Матери открывает им всё больше сокровенных духовных тайн и даёт возможность совершения удивительного путешествия на вершину Святой Горы и собственной души.

Протоиерей Александр Торик

Флавиан

восхождение

ПОВЕСТЬ

Наши издания:

«Воцерковление». Сегодня перед большим количеством людей, понявших умом или почувствовавших сердцем, что Бог есть, осознающих, пусть неясно, свою принадлежность к Православной Церкви и желающих приобщиться к ней, встаёт проблема ВОЦЕРКОВЛЕНИЯ — то есть, вхождения в Церковь в качестве полноценного и полноправного её члена. Книга «Воцерковление», пережившая с момента своего первого выхода в свет в 1996 году более десяти изданий в печатном и электронном виде, переведённая на английский и китайский языки, по праву считается одним из лучших пособий для современных воцерковляющихся христиан.

Наши издания:

Димон: сказка для детей от 14 до 104 лет.

Жил-был Димон – рыжий одиннадцатикласник Димка. Был он безответно влюблён в первую красавицу школы Маринку. А она попала в автомобильную катастрофу и оказалась в коме. А кома оказалась Терминалом, куда Димон и отправился в надежде спасти свою возлюбленную. Некоторые литературоведы называют эту книгу «православным фэнтези», а некоторые афонские монахи считают её лучшим художественным изложением учения о мытарствах.

Наши издания:

«Селафиила». В основе книги лежит реальная судьба выдающейся русской старицы схимонахини Сепфоры, которой автор посвятил этот труд. Сквозь удивительную судьбу героини, перед читателем проходит вся история русского монашества и всего верующего народа в двадцатом веке. По отзывам афонских и российских монахов, эта книга может служить настольной книгой современным монашествующим и всем ищущим духовного совершенства.

Наши издания:

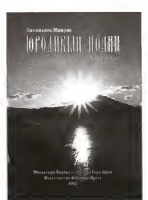

«Русак». Бывает в жизни так - ты офицер, жена ушла, воевал в Чечне, ранен, комиссован.Волею Случая материально обеспечен, нет нужды убиваться ради куска хлеба. Можно ездить на рыбалку, можно отдохнуть от войны, можно пожить в своё удовольствие. Но война не прекратилась в тебе, в твоей памяти, в твоей душе.

Война приходит к тебе «с доставкой на дом», настоящая, жестокая и бескомпромиссная война. И вместе с ней приходят Любовь, Счастье и Бог. Или наоборот - Бог, Любовь, Счастье!

Наши издания:

Юродивый Иоанн. Что такое святость? Есть ли в наше время святые? Какими они могут быть? Что значит «христианство в действии»? Как не проглядеть святость рядом с собою?

На эти и на другие жизненно важные вопросы предлагает взглянуть с неожиданной стороны новая книга греческого писателя Дионисия Макриса, подготовленная к совместному изданию афонским монастырём «Каракалл» и издательством «Флавиан-Пресс».

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Веселин Джелетович

СЕРБСКОЕ СЕРДЦЕ ИОГАННА

Подписано в печать 07.06.2014.
Формат 84x108/32. Печ. л. 9.
Гарнитура Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 5000 экз.
Заказ № 1407450.

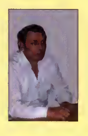
Издательство Флавиан-пресс, Москва.
Отдел реализации:
+7(925)303-33-09
+7(925)300-93-23
Сайт: **flavian-press.ru**

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

1500

ВЕСЕЛИН ДЖЕЛЕТОВИЧ

Автор родился в 1962 году, в Сербии. Член Общества писателей Сербии и Международной федерации журналистов (МФЖ). Председатель Общества писателей «Поета».

Написал следующие книги:

«Племенитый витезь от Космета»
«Эй, Косово»
«Красоте твоей дарить буду рифмы»
«Ограма»
«На страже Родины»
«Орихалк и хрусталь Атлантиды»
«Йован Ненад –чёрный человек»
«Сербы и мир»
«Боемская поэзия»
Поэма «Сербское сердце Йованово»
«Сербское сердце Йованово»

Роман «Сербское сердце Йованово» получил специальную благодарность Академии «ИВО Андрич».

Совместное издание благотворительного фонда «Флавиан» и издательства «Флавиан-пресс».

ISBN 978-5905462-09-2